

РИК РИОРДАН

ПЕРСИ ДЖЕКСОН

И ПОСЛЕДНЕЕ
ПРОРОЧЕСТВО

Рик Риордан
Перси Джексон и
последнее пророчество
Серия «Вселенная Перси
Джексона и наследников богов»
Серия «Мир Перси Джексона»
Серия «Перси Джексон и
боги-олимпийцы», книга 6

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68016383

Перси Джексон и последнее пророчество: Эксмо; М; 2013

ISBN 978-5-04-174276-8

Аннотация

Кронос, собравший огромную армию титанов, хочет захватить и разрушить священный Олимп. На помощь он призвал могущественного великана – Тифона. Боги вступают в сражение с этим страшным противником, оставив без защиты свою обитель. И только Перси Джексон – единственный, кто раскусил военную хитрость Кроноса. Вместе с друзьями-полукровками он встает на защиту Олимпа. Удастся ли им отбить атаки чудовищ или

защитникам придется погибнуть в неравном бою? Надеяться они могут только на чудо, а еще на помощь тех богов, кто пока предпочитает не принимать участие в битве.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	34
Глава 3	54
Глава 4	78
Глава 5	98
Глава 6	112
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Рик Риордан

Перси Джексон и последнее пророчество

© Ефимова Е., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

* * *

Глава 1

Отправляясь в круиз, не забудьте взять с собой взрывчатку

Конец света начался с того, что на капот моей машины приземлился пегас.

До того рокового мига я отлично проводил время. Формально мне не полагалось садиться за руль, потому что шестнадцать мне исполнялось только на следующей неделе, но мама с Полом, моим отчимом, взяли нас с Рейчел на частный пляж на южном побережье Лонг-Айленда, и Пол разрешил мне одолжить его «Тойоту-Приус» – покататься.

Уверен, сейчас вы думаете: «Как это безответственно с его стороны», и так далее и тому подобное, но Пол отлично меня знает. Он видел, как я крошу в капусту демонов и выпрыгиваю из взрывающегося здания школы, так что, вероятно, он решил, что проехать несколько сотен ярдов – не самое опасное из того, что я когда-либо совершал.

Словом, мы с Рейчел ехали одни. Стоял жаркий августовский денек. Рыжие волосы Рейчел были собраны в «конский хвост» на затылке, а поверх купальника она надела белую блузу (раньше я видел ее только в футболках да забрызганных краской джинсах). Выглядела она на миллион золотых драхм.

– О, притормози вон там! – попросила она.

Мы припарковались на гребне горы, с которого открывался вид на Атлантический океан. Море – одно из моих самых любимых мест, но сегодня морская гладь особенно ярко сияла зеленью, точно прекрасное стекло, как будто мой отец повелел ему успокоиться специально для меня.

Между прочим, мой отец – Посейдон, ему подвластны такие вещи.

– Итак, – улыбнулась мне Рейчел. – Насчет моего приглашения.

– А, точно, – я постарался говорить с воодушевлением. Дело в том, что она меня пригласила на три дня в дом на Сент-Томасе, там ее семья обычно проводит каникулы. Мне не часто делают такие предложения. В моей семье предел мечтаний – уехать на выходные в ветхую развалюху на Лонг-Айленде, взять напрокат несколько фильмов и прихватить пару коробок с замороженной пиццей, а тут вдруг родственники Рейчел предлагают мне прошвырнуться с ними на Карибы.

Кроме того, я в самом деле нуждался в отдыхе. Это лето выдалось самым напряженным за всю мою жизнь, и мысль о том, чтобы устроить себе небольшие каникулы, представлялась чрезвычайно заманчивой.

И все же со дня на день должно было случиться нечто значительное: меня могли отправить на какое-то задание. Что еще хуже, на следующей неделе был мой день рождения, а

в пророчестве сказано, что, когда мне исполнится шестнадцать, начнут происходить всякие гадости.

– Перси, – сказала Рейчел, – знаю, время не самое подходящее, но у тебя так всегда, разве нет?

Попала не в бровь, а в глаз.

– Мне правда очень хочется поехать, – заверил я ее. – Просто...

– Война.

Я кивнул. Мне не хотелось об этом говорить, но Рейчел все знала. В отличие от остальных смертных она способна видеть сквозь туман – волшебную завесу, которая искажает зрительное восприятие людей. Ей уже случалось видеть чудовищ, встречать других полубогов, сражавшихся с титанами и их союзниками. Прошлым летом она даже стала свидетелем того, как некогда порубленный на куски владыка Кронос восстал из своего гроба, приняв новую, ужасную форму. Никогда не забуду, как она ткнула его в глаз синей пластиковой щеткой для волос.

Девушка сжала мое запястье.

– Просто подумай об этом, хорошо? Мы пробудем там всего пару дней. Мой отец... – она запнулась.

– Он тебя достает? – спросил я.

Рейчел с отвращением покачала головой.

– Он старается вести себя со мной как любящий папа, а это еще хуже. Осенью хочет отправить меня в женскую академию Кларион.

– Школа, в которую ходила твоя мама?

– Это глупая частная школа для богатеньких девочек, находится аж в Нью-Гэмпшире. Можешь себе представить: я и вдруг в пансионе для благородных девиц?

Я признал, что идея и впрямь идиотская. Рейчел участвовала в проектах по созданию урбанистического искусства, помогала бездомным, ходила на митинги протеста «Спасем исчезающий вид дятла-сосуна» и все такое прочее. Она и платья-то никогда не носила, и я с трудом представлял ее в роли светской львицы.

Девушка вздохнула.

– Он думает, что, если потратить на меня кучу денег, во мне проснутся муки совести и я сдамся.

– И поэтому он разрешил тебе взять меня с вами на отдых?

– Да... Но, Перси, этим ты оказал бы мне огромную услугу. Было бы намного лучше, если бы ты поехал с нами. К тому же я хотела с тобой поговорить кое о чем... – она осеклась.

– О чем ты хотела поговорить? – спросил я. – Хочешь сказать... это настолько серьезно, что нужно ради этого ехать на Сент-Томас?

Она поджала губы.

– Слушай, просто забудь об этом, давай сделаем вид, что мы пара нормальных людей. Катаемся, смотрим на океан, и нам хорошо вместе.

Я видел: ее что-то гнетет, однако Рейчел неестественно бодро улыбнулась. Ее волосы полыхали в солнечном свете, как пламя.

Этим летом мы провели вместе очень много времени. Специально я этого не планировал, но чем серьезнее становились события в лагере, тем больше мне хотелось позвонить Рейчел и сбежать, получить хотя бы маленькую передышку. Мне требовалось напоминать себе, что мир смертных нигде не делся и там нет чудовищ, которые используют меня как персональную боксерскую грушу.

– Ладно, – кивнул я. – Просто обычное утро и двое обычных людей.

Она тоже кивнула.

– Раз так... гипотетически, если эти двое нравятся друг другу, что нужно сделать, чтобы глупый парень поцеловал девушку, а?

– О... – я почувствовал себя одной из священных коров Аполлона: медлительным, бессловесным и ярко-красным. – Хм...

Не буду притворяться, что не думал о Рейчел. Находиться рядом с ней намного проще, чем с... ну, с другими моими знакомыми девчонками. Не нужно напрягаться или следить за каждым своим словом, выворачивать мозг наизнанку, пытаясь понять, о чем она думает. Рейчел ничего не скрывала, всегда давала понять, что чувствует.

Не знаю, что я сделал бы в следующий миг; я настолько

впал в ступор, что не заметил пикирующую с неба огромную черную тень, до тех пор пока на капот «Приуса» не приземлились четыре копыта:

БДЫЩ-БДЫЩ-СКРИИИП!

«Здорово, шеф, – сказал голос у меня в голове. – Классная тачка!»

Это был пегас Пират, мой старый друг, поэтому я постарался не слишком сердиться из-за четырех вмятин, которые он оставил на капоте, хоть и подозревал, что отчим будет не в восторге.

– Пират, – вздохнул я. – Что ты...

Тут я заметил, кто сидит у пегаса на спине, и понял, что мой день будет гораздо более насыщен событиями, чем я предполагал.

– Как делишки, Перси?

Спустя пять минут общения с Чарльзом Бекендорфом, старостой домика Гефеста, большинство чудовищ начинали звать мамочку: здоровенный, мускулистый благодаря работе в кузнице каждое лето, на два года старше меня, один из лучших кузнецов-оружейников лагеря. Он искусно изготавливал всякие механические штуки. Месяц назад он заложил зажигательную бомбу, начиненную греческим огнем, в туалет туристического автобуса, перевозившего кучку монстров через всю страну. Взрывом уничтожило целый легион злобных тварей Кроноса, стоило первой гарпии нажать на слив.

Оделся Бекендорф как для сражения: бронзовый нагруд-

ник и боевой шлем, черные камуфляжные штаны, на боку висит меч, через плечо перекинута сумка со взрывчаткой.

– Пора? – спросил я.

Он мрачно кивнул.

У меня в горле встал ком. Я знал, что это время придет, ведь мы все планировали неделями, но в глубине души я надеялся, что этот миг никогда не наступит.

Рейчел посмотрела на Бекендорфа снизу вверх.

– Привет.

– О, здрасте! Я – Бекендорф, а ты, наверное, Рейчел. Пер-с рассказывал... хм, то есть упоминал о тебе.

Рейчел выгнула бровь.

– Правда? Это хорошо, – она быстро оглядела Пирата, цокающего копытами рядом с «Приусом». – Я так понимаю, ребята, вам пора отправляться спасать мир.

– Это точно, – согласился Бекендорф.

Я беспомощно посмотрел на Рейчел.

– Ты не могла бы передать моей маме...

– Я передам. Уверена, она уже к такому привыкла. И все объясню Полу насчет капота.

Я благодарно кивал. Предполагаю, что сегодня Пол одолжил мне машину в последний раз.

– Удачи, – прежде чем я успел как-то отреагировать, Рейчел меня поцеловала. – А теперь отправляйся, полукровка. Вперед, поубивай ради меня чудовищ.

Пират летел вверх кругами, все набирая и набирая высо-

ту, унося нас с Бекендорфом в небо, а я смотрел на Рейчел, сидевшую, скрестив руки, на пассажирском сиденье машины и глядевшую нам вслед. Я гадал, о чем Рейчел хотела со мной поговорить и проживу ли я достаточно долго, чтобы это выяснить.

– Итак, – сказал Бекендорф, – полагаю, ты не хочешь, чтобы я упоминал об этой маленькой сцене при Аннабет.

– О, боги, – пробормотал я. – И думать забудь.

Бекендорф хмыкнул, и мы полетели над Атлантикой.

Уже почти стемнело, когда мы достигли цели: на горизонте засиял всеми своими огнями огромный лайнер «Царевна Андромеда». Издалека казалось, что это просто обычное круизное судно, и не скажешь, что это – штаб-квартира владыки титанов. Подлетев поближе, вы бы заметили гигантскую фигуру темноволосой девы в греческом хитоне, скованной цепями, с искаженным от ужаса лицом, словно она чувствовала вонь всех чудовищ, которые находились на борту.

При виде корабля кишки у меня завязались узлом, ведь я дважды чуть не умер на борту «Царевны Андромеды», а теперь этот корабль направляется прямо в Нью-Йорк.

– Ты знаешь, что делать? – прокричал Бекендорф, чтобы перекрыть свист ветра.

Я кивнул. Мы проделывали учебные вылазки в Нью-Джерси, используя в качестве целей заброшенные корабли. Я знал, что времени у нас в обрез, но знал также, что это самый подходящий случай пресечь вторжение Кроноса до то-

го, как оно начнется.

– Пират, – позвал я, – высади нас на самой нижней палубе.

«Сделаем, шеф, – откликнулся пегас. – Елки-палки, даже смотреть на это корыто противно».

Три года назад Пират был пленником на «Царевне Андромеде», пока мы с друзьями не помогли ему сбежать. Полагаю, он скорее дал бы заплести свою гриву в косички, уподобившись маленьким пони¹, нежели вернулся бы обратно.

– Не жди нас, – велел я.

«Но, шеф...»

– Верь мне, – повторил я. – Мы сами выберемся.

Пират сложил крылья и черной кометой спикировал к кораблю, так что у меня в ушах засвистел ветер. Верхние палубы патрулировали чудовища: драконицы (женщины-змеи), адские гончие, гиганты и человекоподобные морские демоны, известные как тельхины, но мы проскочили так быстро, что никто из них не поднял тревогу. Мы подлетели к корме корабля, и Пират, развернув крылья, легко приземлился на самой нижней палубе. Я слез с пегаса, чувствуя тошноту.

«Удачи, шеф, – напутствовал меня Пират. – Не дай им превратить себя в рубленую конину!»

Сказав это, мой старый друг взлетел и исчез в ночной тьме. Я достал свою авторучку, снял с нее колпачок, и Анаклузмос вытянулся во всю длину – в полумраке засветились три фута смертоносной небесной бронзы.

¹ Персонажи мультсериала «Мой маленький пони».

Бекендорф вытащил из кармана листок бумаги. Сначала я подумал, что это карта, или что-то вроде того, потом понял, что это фотография. Он посмотрел на карточку, и в тусклом свете я различил улыбающееся лицо Селены Боргард, дочери Афродиты. Они начали встречаться прошлым летом, а до этого мы все хором твердили: «Ребята, да вы же нравитесь друг другу!» Несмотря на множество опасных заданий, этим летом Бекендорф выглядел счастливым, как никогда.

– Мы вернемся обратно в лагерь, – пообещал я.

На какую-то секунду мне показалось, что в его глазах мелькнуло беспокойство, потом он снова уверенно улыбнулся и кивнул:

– А как же. Пошли, еще раз раскокаем Кроноса на миллион кусочков.

Бекендорф шел впереди. Мы миновали узкий коридор и вышли к служебной лестнице, в точности как во время тренировок, как вдруг впереди послышались голоса, и мы замерли на месте.

– Плевать мне, что тебе говорит твой нос! – не то сказал, не то пролаял какой-то тельхин. – В прошлый раз ты тоже твердил, будто учуял полукровку, а оказалось, что это просто большой сэндвич с мясом!

– Сэндвичи с мясом вкусные! – прорычал другой голос. – Но это – аромат полукровки, клянусь. Они на борту!

– Ну конечно, а твой мозг за бортом!

Чудовища продолжали спорить, и Бекендорф ткнул паль-

цем в сторону лестницы. Мы двинулись вниз, так тихо, как могли.

Когда от тельхинов нас отделяло два этажа, их голоса начали стихать.

Наконец мы подошли к металлическому люку. Бекендорф одними губами проговорил: «Машинное отделение».

Люк оказался заперт, но Бекендорф вытащил из сумки пару кусачек и так легко перекусил задвижку, словно она была сделана из сливочного масла.

Внизу жужжали и мелко тряслись стоявшие в ряд желтые турбины размером с зерновые элеваторы. Поршневые манометры и компьютерные терминалы размещались вдоль противоположной стены. Над консолью склонился тельхин, он так сосредоточился на работе, что не заметил нас. Пяти футов ростом, с гладким черным мехом, как у тюленя, короткими, кряжистыми ногами и головой доберман-пинчера, однако руки с когтями почти человеческие. Монстр стучал по клавишам, ворча и бормоча, наверное, переписывался с друзьями на сайте strakholyudiny.com.

Я шагнул вперед, и тельхин напрягся, видимо, почувал что-то неладное. Он прыгнул к большой красной кнопке тревоги, но я преградил ему дорогу. Монстр зашипел и бросился на меня, а в следующий миг рассыпался в прах, сраженный ударом Анаклузмоса.

– Один готов, осталось примерно пять тысяч, – заметил Бекендорф, протягивая мне банку с густой ярко-зеленой

жидкостью – греческий огонь, одна из самых опасных магических субстанций в мире. Затем перебросил мне другое важное орудие полубогов-героев – липкую ленту – и велел:

– Пришлепни это на консоль, а я займусь турбинами.

Мы принялись за работу. В помещении стояла жара, воздух был влажный, и очень скоро пот лил с нас градом.

Моторы все пыхтели, корабль шел своим курсом. Поскольку я – сын Посейдона и все такое, то прекрасно ориентируюсь на море. Не спрашивайте, как именно у меня это выходит, но мы находились в сорока градусах и девятнадцати минутах северной широты и семидесяти одном градусе и девяноста минутах западной долготы, шли со скоростью восемнадцать узлов, следовательно, судно прибудет в Нью-Йорк к рассвету. Сейчас наш последний шанс его остановить.

Едва я прикрепил к контрольной панели вторую банку с греческим огнем, как вдруг по металлическим ступеням лестницы затопало множество ног, и все они приближались – нехороший знак.

Мы с Бекендорфом посмотрели друг на друга.

– Сколько еще?

– Слишком долго, – он постучал пальцем по наручным часам, нашему дистанционному взрывателю. – Осталось примотать проволокой приемник и подготовить заряды. Нужно еще минимум десять минут.

Судя по приближающемуся звуку шагов, у нас оставалось

не более десяти секунд.

– Я их отвлеку, – предложил я. – Встречаемся в условленном месте.

– Перси...

– Пожелай мне удачи.

Бекендорф явно хотел спорить. Изначально планировалось, что мы проникнем на корабль и уйдем незамеченными, однако приходилось импровизировать.

– Удачи, – кивнул он.

Я бросился к двери.

Вниз по лестнице мчалось с полдюжину тельхинов, я порубил их Анаклузмосом, так что они и пикнуть не успели. Бежавший последним монстр так перепугался, что выронил коробку для завтрака «Маленький демон». Я не стал его убивать и пробежал мимо – отчасти, потому что мне ужасно понравилась его коробка для завтрака, отчасти для того, чтобы он мог поднять тревогу и погнаться за мной вместе со своими приятелями, вместо того чтобы спускаться в машинное отделение.

Выскочив через дверь на шестую палубу, я побежал дальше. Уверен, когда-то коридор с ковровой дорожкой смотрелся весьма роскошно, но за три года своего пребывания тут чудовища исцарапали обои и заплели пол слизью, так что казалось, будто я попал в глотку к дракону (к сожалению, говорю исходя из собственного опыта).

Когда я впервые попал на «Царевну Андромеду», мой ста-

рый враг Лука напоказ держал тут загипнотизированных туристов, одурманенных волшебным туманом, так что они не понимали, что корабль кишмя кишит чудовищами. До настоящего момента я ни одного туриста не заметил и боялся даже думать о том, что могло с ними случиться. Очень сомневаюсь, что их просто отпустили домой вместе с лотерейными выигрышами.

Я добрался до центральной прогулочной палубы, с двух сторон окруженной магазинами, которая протянулась вдоль всего корпуса корабля, и замер как вкопанный. По центру палубы стоял фонтан, а в нем сидел гигантский краб.

«Гигантский» не в смысле «платите семь долларов и девяносто девять центов и заказываете все, что хотите, даже королевского краба, выловленного на Аляске». Я имею в виду, тварь была больше фонтана. Чудище возвышалось над водой футов на десять. Его панцирь покрывали сине-зеленые пятна, а клешни он отрастил больше моего роста.

Если вы когда-нибудь видели рот краба, огромный, покрытый пеной и чем-то чавкающий, то можете себе представить, что, если он размером с рекламный щит, симпатичнее он от этого не становится. Круглые черные глазки существа уставились на меня, в них светились ум и ненависть. Похоже, факт моего родства с Посейдоном не прибавит мне очков в глазах мистера Крэбби².

² Игра слов. В переводе с английского слово «crabby» означает «сварливый», «несдержанный» и созвучно со словом «crab» (краб).

– Ф-ф-ф-ф-ф-ф-ф-ф-ф-ф, – зашипел краб, из пасти у него полетела пена. Пахло от него как от помойки, полной рыбных палочек, которую на неделю оставили на солнце.

Завыли сирены, значит, скоро ко мне присоединится веселая компания, нельзя стоять на месте.

– Привет, Крэбби, – я осторожно шагнул вперед. – Я просто быстренько пробегу мимо, так что...

Краб двигался с поразительной скоростью. Он выбрался из фонтана и двинулся прямо на меня, щелкая клешнями. Я нырнул в магазин подарков и врезался в вешалку с футболками. Крабья клешня вдребезги разбила стеклянную витрину и попыталась загрести меня. Тяжело дыша, я выскочил на палубу, мистер Крэбби развернулся и помчался следом.

– Вон он! – раздался голос на балконе у меня над головой. – Незванный гость!

Что же, мне удалось отвлечь внимание на себя, но сражаться здесь мне вовсе не хотелось. Если меня прихватят клешнями в самом центре корабля, я пойду на корм крабу.

Демоническое крабообразное кинулось на меня, я взмахнул Анаклузмсом и отсек кончик его клешни. Краб зашипел, разбрызгивая пену, но умирать, похоже, не собирался.

Я лихорадочно припоминал все старые легенды, которые могли бы мне помочь справиться с этой тварью. Кажется, Аннабет рассказывала мне про чудовищного краба, которого Геркулес раздавил ногой. Вот только у меня так не получится, этот крабик немного крупнее моих кроссовок «Рибок».

Потом меня осенило: на прошлое Рождество мы с мамой привезли Пола Блофиса в наш старый домик в Монтоке, в который мы ездили всю жизнь. Пол взял меня с собой ловить крабов и, когда вытащил сеть, полную этих ползучих созданий, показал мне, что у крабов есть щель между пластинами панциря, прямо посередине отвратительного брюха.

Вот только как подобраться к этому мерзкому брюху?

Я быстро взглянул на фонтан, потом – на мраморный пол, усеянный осклизлыми следами крабьих ног. Вытянув вперед руку, я сосредоточился на воде, и фонтан взорвался. Вода брызнула во все стороны, на высоту трех этажей, заливая балконы, лифты и витрины магазинов. Краб не обратил на это внимания, он любил воду. Он приближался ко мне боком, шипя и щелкая клешнями, а я побежал на него с воплем:

– А-А-А-А-А-А-А!

За секунду до столкновения я грянулся оземь, как бейсболист, и по инерции проехался по мокрому полу, оказавшись прямо под крабом. Все равно, что забраться под семитонный бронетранспортер. Чудовищу стоило только присесть, и оно раздавило бы меня, но прежде, чем оно сообразило, что к чему, я вонзил Анаклузмос в щель между пластинами его панциря, выпустил из рук эфес меча и отскочил в сторону.

Монстр зашатался, зашипел, глаза его широко открылись, панцирь стал ярко-красным, скрывавшаяся под ним плоть испарилась. Пустой панцирь гулко стукнулся о палубу.

У меня не было времени любоваться результатом своих усилий. Я побежал к ближайшей лестнице, а вокруг чудовища и полубоги выкрикивали приказы и хватались за оружие. Я же остался безоружным. Анаклузмос – волшебный меч, рано или поздно он появится у меня в кармане, но пока что он застрял где-то в останках краба, а возвращаться за ним мне было некогда.

На восьмой палубе в фойе с лифтами мне наперерез скользнула пара дракониц. Выше пояса они выглядели как женщины с зеленой чешуйчатой кожей, желтыми глазами и раздвоенными языками, ниже пояса – как змеи с двумя хвостами вместо ног. В руках они держали копья и утяжеленные сети, и я знал не понаслышке, что они умеют ими пользоваться.

– Что это у нас-с-с тут? – прошипела одна из женщин-змей. – Подарок для Кронос-с-са!

Я был не расположен играть в игры вроде «сломай змею» и тут увидел рядом с собой стенд с моделью корабля, наподобие схем «ВЫ НАХОДИТЕСЬ ЗДЕСЬ». Я оторвал модель от подставки и с силой метнул в ближайшую драконицу.

Корабль с сочным шлепком впечатался ей в лицо, и женщина-змея упала. Я перепрыгнул через нее, ухватился за древко копья ее товарки и с размаху отбросил драконицу в сторону, прямо в лифт, а сам побежал дальше, к носу корабля.

– Взять его! – завопила женщина-змея.

Раздался лай адских гончих, в дюйме от моего лица про- свистела стрела и вонзилась в одну из панелей из красно- го дерева, которыми были декорированы стены лестничного пролета.

Наплевать, главное, что я отвлекаю внимание чудовищ от машинного отделения, чтобы дать Бекендорфу больше вре- мени.

Я бежал вверх по лестнице, и вдруг сверху навстречу мне выскочил какой-то мальчишка. Казалось, он едва продрал глаза ото сна: часть доспехов он где-то забыл. Парень обна- жил меч и заорал: «Кронос!», при этом голос его звучал ско- рее испуганно, чем сердито. Ему было никак не больше две- надцати, в этом возрасте я впервые прибыл в Лагерь полу- кровок.

Я почувствовал себя паршиво: этому малышу промыли мозги, так что он возненавидел богов и примкнул к бунтов- щикам из-за того, что ему не посчастливилось родиться пол- лувровкой какого-то олимпийца. Кронос использует его, а этот мальчик считает врагом меня.

Черта с два я стану ему вредить, чтобы с ним справиться, мне и оружие не нужно. Уклонившись от его меча, я быстро шагнул вперед, схватил паренька за запястье и ударил его руку о стену, так что он выронил меч.

Потом я сделал нечто, чего не собирался делать. Вероят- но, я сглупил, потому что теперь наше задание наверняка окажется под угрозой, но поступить иначе я не мог.

– Если хочешь жить, – сказал я, – сматывайся с этого корабля, немедленно. Предупреди остальных полубогов.

Потом я столкнул его с лестницы, так что парень кубарем полетел на следующий этаж.

Я карабкался все выше.

Невеселые воспоминания: я пробежал мимо кафе и коридорчика, по которому мы с Аннабет и моим сводным братом Тайсоном пробирались три года назад, когда я впервые попал на это судно.

Я выскочил на главную палубу. Слева по борту небо темнело, становясь из багрового черным. Между двумя стеклянными башнями с множеством балконов и палуб-ресторанов поблескивал водой бассейн. Вся верхняя часть корабля выглядела зловеще опустевшей.

Мне нужно было только перебежать на другую сторону, потом я смог бы сбегать вниз по лестнице, к взлетно-посадочной площадке – условленному месту встречи. Если повежет, мы с Бекендорфом встретимся там и прыгнем в море.

Потом я использую свою власть над водой, чтобы защитить нас обоих, мы отойдем от корабля на четверть мили и активируем заряды.

Я добежал до середины палубы, когда знакомый голос заставил меня вздрогнуть:

– Опаздываешь, Перси.

Наверху, на балконе стоял Лука, на его перечеркнутом шрамом лице играла улыбка. На нем были джинсы, белая

футболка и шлепанцы на босу ногу, точно он – обычный студент, но его выдавали золотые глаза без зрачков.

– Мы ждали тебя несколько дней, – сначала его голос звучал нормально, но затем его лицо исказила судорога.

Его тело содрогнулось, как будто он выпил глоток какой-то гадости. Голос стал ниже, в нем зазвучала древняя мощь – заговорил владыка титанов Кронос. Казалось, каждое слово царапает мне спину, как лезвие ножа.

– Подойди и склонись передо мной.

– Ага, уже бегу, – пробормотал я.

С обеих сторон бассейна – словно только и ждали команды – выскочили великаны-лестригоны: каждый восьми футов ростом, руки покрыты татуировками, в кожаных доспехах, с шипастыми дубинками. На крыше, над балконом, на котором стоял Лука, показались лучники-полубоги, с противоположного балкона спрыгнули две адские гончие и оскалили клыки. В мгновение ока меня окружили. Это ловушка: они бы ни за что так быстро здесь не собрались, если бы не знали, что я направляюсь сюда.

Я посмотрел на Луку снизу вверх, кипя от ярости. Я не знал, живо ли сознание Луки внутри этого тела, может быть, да, судя по тому, как изменился его голос... а может, Кронос просто привыкал к новому телу. Я сказал себе, что это не важно. Лука был испорченным и злым задолго до того, как в него вселился Кронос.

Тоненький голосок в моей голове сказал: «В конце кон-

цов придется с ним сразиться. Почему бы не сделать это сейчас?»

Согласно великому пророчеству, когда мне исполнится шестнадцать, я сделаю выбор, в результате мир будет спасен или погибнет. Мой день рождения через семь дней, так почему бы не сейчас? Если у меня действительно есть сила, что изменит одна неделя? Можно покончить с этой угрозой прямо здесь, уничтожив Кроноса. Эй, я ведь уже побеждал и чудовищ, и богов.

Лука улыбнулся, словно прочитав мои мысли. Нет, он – Кронос, нельзя об этом забывать.

– Подойди ближе, – велел он, – если осмелишься.

Толпа монстров подалась в стороны. С отчаянно бьющимся сердцем я пошел к лестнице, уверенный, что кто-то заколет меня сзади, но чудовища меня пропускали. Ощупав карман, я убедился, что Анаклузмос снова со мной. Я снял с ручки колпачок, и она превратилась в меч.

В руках Кроноса появилось его оружие – шестифутовая коса, сделанная наполовину из небесной бронзы, наполовину из смертоносной стали.

От одного взгляда на нее мои ноги превратились в жевательный мармелад, и я бросился вперед, чтобы ненароком не передумать.

Время замедлило свой ход. Я хочу сказать, в буквальном смысле, потому что Кронос имел над ним власть. Я словно брел сквозь сироп: руки налились тяжестью, я едва мог под-

нять меч. Кронос улыбался, раскручивая свою косу с нормальной скоростью и ожидая, пока я доползу навстречу своей смерти.

Я пытался противостоять его магии, сконцентрировавшись на море вокруг меня, источнике моей силы. За несколько лет я научился неплохо им управлять, но сейчас ничего не получалось.

С огромным усилием я сделал еще один шаг. Гиганты отпускали язвительные шуточки, драконицы шипели от смеха.

– Эй, океан, – взмолился я. – Мне сейчас пригодится любая помощь!

Вдруг мой живот пронзила страшная боль. Корабль накренился в сторону, чудовища попадали на палубу. Четыре тысячи галлонов соленой воды хлынули из бассейна, накрыв меня, Кроноса и всех, кто был на палубе. Вода придала мне сил, разрушила чары времени, и я помчался вперед.

Я нанес удар, целясь в Кроноса, но все равно не успел. Я совершил ошибку, посмотрев ему в лицо – лицо Луки, парня, который когда-то был мне другом. Я так его ненавидел – и не мог убить.

А вот Кронос, не колеблясь, со всего маху рубанул косой. Я отпрыгнул, и зловещее лезвие пробило палубу в одном дюйме от моей ноги.

Я ударил Кроноса ногой в грудь, отбросив его на шаг назад, но он весил намного больше, чем должен был бы весить Лука. С таким же успехом я мог пинать морозильную уста-

новку.

Кронос снова ударил косой, я парировал удар Анаклузмосом, но он оказался таким мощным, что лезвие моего меча едва отклонило оружие врага. Острие косы распороло рукав моей рубашки и слегка задело руку. Мне казалось, что это незначительный порез, однако весь мой правый бок пронзила резкая боль. Я вспомнил слова одного морского демона: «Осторожнее, дурачок. Одно прикосновение, и это лезвие отделит твою душу от тела». Теперь я понял, что он имел в виду. Я чувствовал, как силы, воля, сама моя личность вытекают из меня.

Я тяжело попятился назад, перебросив меч в левую руку, и ударил изо всех сил. Мой клинок должен был проткнуть противника насквозь, но он отскочил от его торса, как будто я бил по куску мрамора. Как ему удалось уцелеть?

Кронос засмеялся.

– Жалкое зрелище, Перси Джексон. Лука рассказывал мне, что ты так и не сумел подняться до его уровня в искусстве владения мечом.

Глаза мои заволкло туманом, я понял, что у меня почти не осталось времени.

– Лука слишком много о себе воображал, – ответил я, – но, по крайней мере, он был самим собой.

– Жаль убивать тебя сейчас, – протянул Кронос, – до того, как мой последний план осуществится. Я бы с огромным удовольствием полюбовался на ужас в твоих глазах, когда ты

поймешь, как именно я разрушу Олимп.

– Тебе никогда не привести этот кораблик в Манхэттен, – моя рука дрожала, перед глазами плясали черные точки.

– Интересно почему? – золотые глаза Кроноса сверкнули. Его лицо – лицо Луки – казалось искусственной маской, подсвеченной изнутри какой-то злой силой. – Уж не рассчитываешь ли ты на своего приятеля со взрывчаткой?

Он посмотрел вниз, в сторону бассейна, и позвал:

– Накамура!

Через толпу протолкался подросток в полном боевом доспехе греческого образца, его левый глаз закрывала черная повязка. Разумеется, я его узнал: Итан Накамура, сын Немезиды. Прошлым летом в Лабиринте я спас ему жизнь, а взамен этот маленький засранец помог Кроносу возродиться.

– Все прошло успешно, владыка, – отозвался Итан. – Мы нашли его там, где вы и говорили.

Он хлопнул в ладоши, и вперед неуклюже выдвинулись двое великанов, таща за собой Чарльза Бекендорфа.

У меня едва не остановилось сердце. Один глаз у Бекендорфа заплыл, все лицо и руки были в порезах. Его доспехи исчезли, а рубашка превратилась в лохмотья.

– Нет! – заорал я.

Бекендорф встретился со мной взглядом и выразительно посмотрел на свою руку, как будто пытаюсь мне что-то сказать. Его *часы*.

Чудовища их не забрали, а ведь это взрыватель. Неужели

заряды все еще в боевой готовности? Несомненно, монстры сразу же их обезвредили.

– Мы нашли его в корабельном трюме, – сказал один из великанов, – пытался пробраться в машинное отделение. Можно мы теперь его съедем?

– Чуть позже, – Кронос хмуро глянул на Итана. – Ты уверен, что он не установил взрывчатку?

– Он шел в машинное отделение, владыка.

– Откуда тебе знать, что это так?

– Э-э-э... – Итан неуверенно переступил с ноги на ногу. – Он направлялся туда. Он сам нам так сказал. В его сумке полно взрывчатки.

До меня постепенно дошло, что Бекендорф обманул врагов. Поняв, что его вот-вот схватят, он сделал вид, что идет обратно, убедил их, что еще не побывал в машинном отделении. Греческий огонь по-прежнему можно взорвать! Вот только желательно активировать взрыватель после того, как мы выберемся с корабля. А иначе...

Кронос колебался.

«Купись», – мысленно умолял я. Рука болела так сильно, что я едва стоял на ногах.

– Откройте его сумку, – приказал Кронос.

Один из гигантов сорвал с плеча Бекендорфа сумку с взрывчаткой, заглянул внутрь, хрюкнул и вывернул ее наизнанку. Чудовища в панике отхлынули в стороны. Если бы в сумке действительно лежали банки с греческим огнем, мы

все взлетели бы на воздух, но из сумки вывалилось около десятка банок с персиками.

Я слышал, как Кронос пыхтит, сдерживая ярость.

– Вероятно, вы поймали этого полубога рядом с камбузом? – спросил он.

Итан побледнел.

– Э-э-э...

– И ты, конечно, отправил кого-нибудь ПРОВЕРИТЬ МАШИННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ?

Итан в ужасе отшатнулся, развернулся на каблуках и бросился бежать.

Я выругался про себя. Теперь у нас осталось не более минуты до того, как бомбы обезвредят. Я снова посмотрел на Бекендорфа, задавая молчаливый вопрос: «Сколько еще?»

Тот сложил указательный палец и мизинец в виде круга: «Ноль». Таймер не установлен. Если Бекендорф нажмет кнопку взрывателя, корабль тут же взорвется. Нам ни за что не успеть отбежать на безопасное расстояние, перед тем как запустить таймер. Чудовища прикончат нас раньше, или обезвредят взрывчатку, или сделают и то и другое.

Кронос повернулся ко мне, криво улыбаясь.

– Извини моего некомпетентного помощника, Перси Джексон. Впрочем, это не важно, ведь мы поймали тебя. Мы еще несколько недель назад знали, что ты придешь.

Он вытянул вперед руку, продемонстрировав тонкий серебряный браслет с брелоком в виде косы, символом влады-

ки титанов, и потряс ею.

Из-за раненой руки я почти лишился способности сообщать и все же пробормотал:

– Передатчик... в лагере есть шпион.

Кронос усмехнулся.

– Нельзя рассчитывать на друзей, они обязательно подведут. Лука на собственной шкуре в этом убедился. А теперь бросай меч и сдавайся, а не то твой друг умрет.

Я сглотнул. Один из гигантов сжимал своей ручищей шею Бекендорфа. Я сейчас не в том состоянии, чтобы его спасти, даже если попытаюсь это сделать, приятель умрет прежде, чем я до него добегу. Мы оба умрем.

Бекендорф одними губами произнес: «Беги».

Я покачал головой. Не мог же я его бросить.

Второй великан все осматривал банки с персиками, а значит, левая рука Бекендорфа была свободна. Он медленно потянулся ею к своей правой руке.

Я хотел закричать: «НЕТ!»

В следующий миг одна из дракониц у бассейна внизу зашипела:

– Чтхо-о-о он делает? Чтхо-о-о у него на з-з-запас-с-стье?

Бекендорф крепко зажмурился и поднес руку к часам.

Выбора не осталось. Я взмахнул мечом, как копьем, и метнул его в Кроноса. Клинок отскочил от груди владыки титанов, не причинив ему никакого вреда, но Кронос от изумления замешкался. Я врезался в толпу чудовищ, перемахнул

через борт корабля и полетел к воде с высоты в сотню футов.

Глубоко в недрах корабля раздался грохот. Наверху чудовища орали мне вслед, над ухом просвистело копьё, бедро проткнула стрела, но я не успел ощутить боли. Я нырнул в море и приказал волнам отнести меня далеко-далеко, на сто ярдов, на двести ярдов.

Даже с такого расстояния мир пошатнулся от взрыва, затылок опалило жаром. «Царевна Андромеда» взорвалась с двух сторон, громадный шар зеленого огня взвился к темному небу, поглощая все на своем пути.

«Бекендорф», – подумал я.

И, потеряв сознание, как якорь, пошел ко дну.

Глава 2

Я встречаю парочку скользких родственников

Сны полубогов – это полный отстой.

Дело в том, что они почти никогда не бывают просто снами, это видения, предзнаменования и прочая мистическая ерунда, от которой у меня выкипает мозг.

Мне снилось, что я нахожусь в темном дворце на вершине горы.

К сожалению, я его узнал: это был дворец титанов на вершине Орфийской горы, иначе известной как гора Тамальпаис в Калифорнии. Я увидел окутанный тьмой главный зал, окруженный черными колоннами греческого ордера и статуями титанов. Свет факелов отражался от черного мраморного пола. В центре зала облаченный в доспехи гигант согнулся под весом вращающихся воронкой облаков – это был Атлант, державший на своих плечах небо.

Рядом, перед бронзовой жаровней, стояли два великана, рассматривая вспыхивающие в огне картины.

– Вот это взрыв, – заметил один, тот, которой носил черные доспехи, окованные серебряными заклепками, так что казалось, что он завернулся в ночное небо. Лицо его скрывал боевой шлем, украшенный кручеными бараными рогами.

– Это не имеет значения, – отозвался другой. Он носил золотые одежды, и глаза у него сверкали золотом, как у Кроноса. Все его тело сияло, он походил на Аполлона, бога Солнца, вот только его свет резал глаза, а лицо искажала злобная гримаса. – Боги приняли вызов, скоро им придет конец.

Огненные картины было трудно разобрать: бури, рушащиеся здания, кричащие от ужаса смертные.

– Я отправлюсь на восток, чтобы выстроить наши войска, – сказал золотой титан. – А ты, Криос, останешься и будешь охранять Орфийскую гору.

Бараний Шлем заворчал:

– Вечно мне достается всякая дребедень. Я – Владыка Юга, владыка созвездий, а теперь я должен присматривать за малышом Атлантом, пока ты веселишься.

Под завихрениями облаков Атлант заревел в агонии:

– Проклятие на ваши головы, выпустите меня! Я ваш величайший воин. Возьмите мою ношу, чтобы я мог сражаться!

– Тихо! – рявкнул золотой титан. – Тебе давали шанс, Атлант, ты потерпел неудачу. Кроноса вполне устраивает твое нынешнее положение. Что же до тебя, Криос, делай, что сказано.

– А если тебе понадобятся еще воины? – спросил Криос. – От нашего вероломного племянника в смокинге будет мало толку в драке.

Золотой титан рассмеялся.

– За него не волнуйся. Кроме того, боги едва справились с нами в первый раз, они и понятия не имеют, сколько у нас в запасе сюрпризов. Помяни мое слово, через несколько дней олимпийцы будут уничтожены, а мы снова встретимся здесь, чтобы отпраздновать зарю Шестого века!

Золотого титана охватило пламя, и он исчез.

– Ну конечно, – проворчал Криос. – Он источает пламя, а мне приходится носить эти глупые бараньи рога.

Сцена изменилась, я оказался вне павильона, скрытый тенью одной из черных колонн. Рядом притаился какой-то мальчишка, он подслушивал разговор титанов. Черные блестящие волосы, бледная кожа, темная одежда – передо мной стоял мой друг, Нико ди Анджело, сын Аида.

Он мрачно посмотрел прямо на меня и прошептал:

– Видал, Перси? Ты не успеваешь. Ты что, правда думаешь, что сумеешь их победить, не следуя моему плану?

Холодные, как морская вода, слова нахлынули на меня, и все вокруг погрузилось в темноту.

– Перси? – позвал низкий голос.

Мою голову словно запекли в алюминиевой фольге. Я разлепил глаза и увидел, что надо мной возвышается массивная темная фигура.

– Бекендорф? – с надеждой спросил я.

– Нет, брат.

Я присмотрелся и различил уродливое лицо циклопа, жидкие каштановые волосы и один большой карий глаз, с

тревогой глядевший на меня.

– Тайсон?

Брат зубасто улыбнулся.

– Йя-ху! Твой мозг работает!

Мне так не казалось. Я не чувствовал веса своего тела, мне было холодно, голос звучал как-то странно. Я слышал Тайсона, но воспринимал скорее какие-то вибрации в своей голове, а не обычные звуки.

Я сел, и тонкое, как паутинка, покрывало поплыло в сторону. Кровать, в которой я лежал, была сплетена из шелковистых водорослей, а стены комнаты покрывали раковины галиотисов. Под потолком плавали светящиеся жемчужины размером с баскетбольные мячи, заливая помещение мягким светом. Я находился под водой.

Надо вам сказать, для меня это вполне нормально, потому что я – сын Посейдона. Могу дышать под водой, а моя одежда не намокает, если я этого не хочу. И все-таки я испытал шок, когда в окно спальни заглянула акула-молот и, покосившись на меня, преспокойно поплыла в другой конец комнаты.

– Где...

– Это дворец папочки, – пояснил Тайсон.

При других обстоятельствах я пришел бы в восторг, ведь я никогда не бывал в государстве Посейдона и годами мечтал сюда попасть, но у меня болела голова, всю рубашку покрывали прожженные после взрыва дыры. Раны на руке и ноге уже зажили благодаря силе окружающего океана, но я по-

прежнему чувствовал себя так, словно по мне пробежалась футбольная команда лестригонов в шипованных бутсах.

– Как давно?..

– Мы нашли тебя прошлым вечером, – начал рассказывать Тайсон, – ты погружался под воду.

– «Царевна Андромеда»?

– Взорвалась. Ба-бах! – заверил меня Тайсон.

– На борту был Бекендорф. Вы нашли?..

Тайсон помрачнел.

– Исчез без следа. Мне жаль, брат.

Я уставился в окно, на темно-синюю воду. Осенью Бекендорф собирался поступать в колледж, у него была девушка, много друзей и вся жизнь впереди. Не может быть, чтобы его просто не стало. Возможно, он сумел выбраться с корабля, как и я. Вдруг перепрыгнул через поручни... и что? В отличие от меня, он не смог бы выжить, упав в воду с высоты в сотню футов, не смог бы отплыть на безопасное расстояние от взорвавшегося корабля.

В глубине души я знал, что он мертв, пожертвовал собой, чтобы потопить «Царевну Андромеду», а я его бросил.

Я подумал про свой сон: титаны обсуждали взрыв так, словно это что-то несущественное. Нико ди Анджело предупреждал меня, что мне никогда не победить Кроноса без его помощи – этот опасный план я обдумывал более года.

Комната вздрогнула от раздавшегося вдалеке взрыва. Снаружи полыхнул зеленый свет, и море осветилось, как в

ясный день.

– Что это? – спросил я.

Тайсон выглядел обеспокоенным.

– Папочка объяснит. Идем, он взрывает чудовищ.

Дворец стал бы самым удивительным местом из всех, где мне когда-либо случалось побывать, если бы прямо сейчас не подвергался разрушению. Мы проплыли по длинному коридору, и подводный гейзер молниеносно поднял нас наверх. Когда мы взлетели над крышами, у меня перехватило дыхание.

Резиденция была размером с гору Олимп, с обширными внутренними дворами, садами и павильонами с колоннами. В садах буйно росли колонии кораллов и светящихся морских растений. Над садами возвышалось двадцать-тридцать зданий, сложенных из раковин галиотисов, белых, но отливающих всеми цветами радуги. Через окна домов сновали туда-сюда рыбы и осьминоги. Вдоль дорожек, точно елочные гирлянды, были разложены светящиеся жемчужины.

В главном дворе толпились воины-русалы с рыбьими хвостами вместо ног и человеческими торсами, правда их кожа отливала синевой (никогда бы не подумал). Одни перевязывали раненых, другие точили копья и мечи. Мимо поспешно проплыл один русал, его глаза горели зеленым, как будто в них вставили неоновые палочки. Я разглядел, что зубы у него, как у акулы. В «Русалочке» такого не показывали...

За главным двором высились огромные оборонительные

башни, стены и стояли противоосадные орудия, но большая их часть была разбита на куски, а другие горели странным зеленым огнем – тем самым «греческим огнем», он может гореть даже под водой.

Морское дно за стенами города окутывал мрак, в котором то и дело полыхали вспышки энергии, что-то взрывалось, мелькали сражающиеся воины. Обычный человек ничего не разглядел бы в такой темноте. Черт, обычного человека расплющило бы давление воды, или он бы погиб от переохлаждения. Даже мои термочувствительные глаза не могли разглядеть, что именно там происходит.

Стоявший с краю дворцового комплекса храм с крышей из красных кораллов взорвался, и горящие обломки отлетели к дальним садам и там уже медленно поплыли. Из темноты океана появился гигантский силуэт: огромный кальмар, выше любого небоскреба. Его окружало поблескивающее облако пыли – по крайней мере, я сначала подумал, что это пыль, но потом понял, что это рой атакующих чудовище русалов. Кальмар опустился на стоявший рядом дворец и одним ударом щупалец разбил целую колонну воинов. Потом с крыши одного из самых высоких зданий выстрелила дуга синего света, поразила гигантского кальмара, и монстр исчез, растворившись в воде, как пищевой краситель.

– Это папочка, – Тайсон показал пальцем туда, откуда ударил свет.

– Это он сделал? – передо мной вдруг забрезжила надеж-

да. Мой отец обладает невероятными силами, он ведь бог моря и справится с этими атаками, верно? Может быть, даже позволит мне помочь.

– А ты участвовал в сражениях? – спросил я Тайсона с некоторым благоговейным трепетом. – Крушил головы, используя свою невероятную силу циклопа и все такое?

Тайсон надул губы, и я сообразил, что не стоило задавать этот вопрос.

– Я... чиню оружие, – промямлил брат. – Идем, найдем папочку.

Знаю, это может показаться странным (особенно если у вас обычные родители), но я видел своего отца четыре или пять раз за всю жизнь, и эти встречи никогда не длились дольше пары минут. Греческие боги, как правило, не водят своих детей на баскетбол. И все же я считал, что узнаю Посейдона с первого взгляда.

Я ошибался.

Крыша храма представляла собой большую открытую платформу, которую использовали как штаб-квартиру. Пол украшала мозаика, изображавшая подробную карту дворцового комплекса и окружающего его океана, и эта мозаика двигалась.

Когда противоборствующие войска передвигались на новые позиции, обозначающие их цветные каменные плитки тоже перемещались, а разрушенные здания обрушивались и на плане.

Вокруг мозаики стояли странного вида воины, они мрачно наблюдали за ходом сражения, но ни один из них не походил на моего отца. Я высматривал высокого мужчину с бронзовым загаром, черной бородкой, в шортах и гавайской рубашке.

Но здесь не было никого, хотя бы отдаленно похожего. Зато я увидел одного русала с двумя хвостами, вместо одного. У него была зеленая кожа, а доспехи расшиты жемчужинами, черные волосы завязаны в «конский хвост». Выглядел он довольно молодо, правда, с нелюдями никогда не знаешь наверняка – то ли им тысяча лет, то ли три года. Рядом с ним стоял старик с густой белой бородой и седыми волосами. Казалось, его доспехи тянут его вниз. От уголков его зеленых глаз расходились веселые морщинки, но сейчас он не улыбался, а пристально рассматривал карту, опираясь на длинный металлический посох. Справа от него стояла прекрасная женщина в греческом доспехе, из ее струящихся черных волос выглядывали странные рога, похожие на крабьи клешни. Еще присутствовал дельфин, выглядевший как самый обыкновенный дельфин, только он внимательно смотрел на карту.

– Дильфин, – сказал старик, – пошли Палемона с его легионом акул на западный фронт, нужно уничтожить этих левиафанов.

Дельфин застрекотал что-то в ответ, однако я понял его слова («Слушаюсь, Владыка!»), и уплыл.

Я потрясенно глянул на Тайсона, потом снова на старика.

Невероятно! И все же...

– Отец? – спросил я.

Старик поднял глаза от карты, и я узнал морщинки вокруг его глаз, но лицо... он словно постарел лет на сорок.

– Здравствуй, Перси.

– Что... что с тобой случилось?

Тайсон пихнул меня локтем и так сильно затряс головой, что я испугался, а ну как она отвалится, но Посейдон, казалось, не оскорбился.

– Все в порядке, Тайсон, – кивнул он. – Прости, что я так выгляжу, Перси. Война сильно на мне сказалась.

– Но ты же бессмертен, – тихо проговорил я. – Ты можешь выглядеть... как сам пожелаешь.

– На мне отражается состояние моего государства, – ответил Посейдон. – Прямо сейчас оно весьма плачевно. Перси, мне стоит тебе представить... Боюсь, ты только что разминулся с Дильфином, богом всех дельфинов. Это моя, м-м-м... супруга, Амфитрита. Моя дорогая...

Дама в зеленом доспехе холодно глянула на меня, потом скрестила руки на груди и сказала:

– Прости меня, Владыка, я нужна на поле битвы.

И уплыла.

Я почувствовал себя не в своей тарелке, но, думаю, я не мог ее винить. Никогда об этом не задумывался, но у моего отца имелась бессмертная жена, и все его интрижки со смертными, в том числе и с моей мамой... ну, Амфитрите

это, очевидно, не очень нравилось.

Посейдон откашлялся.

– Да... что же... А это мой сын, Тритон. М-м-м, *другой* мой сын.

– Твой сын и наследник, – уточнил зеленокожий парень, два его хвоста хлестнули туда-сюда. Он улыбнулся мне, но в его глазах не было и следа дружелюбия. – Здравствуй, Персей Джексон. Наконец-то ты явился к нам на подмогу?

Он делал вид, что я опоздавший лентяй. Если только под водой можно покраснеть, я, вероятно, вспыхнул и ответил:

– Скажите мне, что делать.

Тритон улыбнулся с таким видом, словно мое предложение очень забавно, а сам я – нечто вроде смешной собачки, которая на него залаяла. Он повернулся к Посейдону.

– Я позабочусь о передовой, отец. Не беспокойся, уж я-то тебя не подведу.

Он вежливо кивнул Тайсону. А почему со мной не обошлись так же уважительно? Потом Тритон стремительно умчался в темноту.

Посейдон вздохнул, поднял посох, и он превратился в его привычное оружие – огромный трезубец.

На острие загорелся синий свет, и вода вокруг нас вскипела из-за исходящей от оружия силы.

– Извини за это, – сказал Посейдон.

Откуда-то сверху появилась огромная морская змея и по спирали стала спускаться к крыше. Она была ярко-оранже-

вая, а в ее утыканной клыками пасти запросто поместился бы целый спортзал.

Даже не глядя вверх, Посейдон указал трезубцем на чудовище и выстрелил синим силовым лучом. Ба-бах!

Монстра разорвало на миллион маленьких золотых рыбок, и они все в ужасе метнулись прочь.

– Моя семья обеспокоена, – как ни в чем не бывало продолжал Посейдон. – Мы терпим большие потери в битве против Океана.

Он указал на край мозаики и стукнул древком трезубца по изображению, которое было крупнее остальных: русал с бычьими рогами. Он стоял в колеснице, запряженной раками, а вместо меча сражался живой змеей.

– Титан Океан, – попытался припомнить я, – божество морей?

Посейдон кивнул.

– В первой войне богов и титанов он не принимал участия, но Кронос убедил его сражаться. Это... что ж, недобрый знак. Океан не стал бы действовать, если бы не был уверен, что примкнет к победителям.

– У него глупый вид, – произнес я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. – Я хочу сказать, кто же станет биться змеей?

– Папочка навяжет из нее узлов, – решительно заявил Тайсон.

Посейдон лишь устало улыбнулся.

– Я ценю твою веру. Мы воюем почти год. Мои силы ис-

тощены, а он по-прежнему бросает на нас рать за ратью морских чудовищ, таких древних, что даже я про них забыл.

Вдалеке прогремел взрыв, примерно в миле от нас коралловая гора просела под весом двух гигантских существ. Я едва мог разглядеть смутные очертания их тел: одно походило на омара, а другое – на огромное человекоподобное создание вроде циклопа, только его окружало множество движущихся конечностей. Сначала я подумал, что он облеплен большими осьминогами, потом понял, что это его собственные руки – сотни молотящих во все стороны, сражающихся рук.

– Бриарей! – вырвалось у меня.

Я был рад его видеть, но, похоже, он бился не на жизнь, а на смерть. В своем роду сторуких, родичей циклопов, он остался последним. Прошлым летом мы спасли его из тюрьмы Кроноса, я знал, что он придет на помощь Посейдону, но с тех пор ничего о нем не слышал.

– Он хорошо сражается, – заметил Посейдон. – Жаль, у нас нет армии таких, как он, ведь он такой один.

Я смотрел, как Бриарей, взревев от ярости, хватает омара и отрывает его от земли, а тот размахивает и щелкает клешнями.

Великан сбросил омара с коралловой горы, и чудовище исчезло во тьме. Бриарей поплыл следом за ним, сотня его рук с бешеной скоростью загребали воду, как винты моторной лодки.

– Перси, времени у нас мало, – сказал отец. – Расскажи

мне о своем задании. Ты видел Кроноса?

Я рассказал ему обо всем, а когда говорил про Бекендорфа, мой голос дрожал. Внизу, во внутренних дворах я увидел множество раненых русалов, лежавших на импровизированных койках, и ряды коралловых холмиков – вероятно, это были засыпанные в спешке могилы. Я понял, что смерть Бекендорфа далеко не первая, а лишь одна из сотен, а может, и тысяч других. Никогда еще я не чувствовал себя таким злым и беспомощным.

Посейдон пригладил бороду.

– Перси, Бекендорф избрал смерть героя, твоей вины здесь нет. Его поступок помог внести смятение в ряды армии Кроноса, многие чудовища уничтожены.

– Но его самого мы ведь не убили?

Сказав эти слова, я осознал, что тешил себя наивной надеждой. Мы можем взорвать его корабль и разнести на кусочки его монстров, но владыку титанов так просто не убьешь.

– Нет, – признал Посейдон, – но вы помогли нам выиграть немного времени.

– На том корабле были полубоги, – сказал я, думая о мальчишке, которого видел на лестнице. Каким-то образом мне удалось думать только о Кроносе и его чудовищах, я убедил себя, что нет ничего страшного в том, чтобы уничтожить корабль, ведь все они плохие и плывут, чтобы атаковать мой город, к тому же их нельзя убить окончательно. Чудовища

просто испарятся, а потом снова обретут тела, а вот полубоги...

Посейдон положил руку мне на плечо.

– Перси, на том корабле находились всего несколько воинов-полубогов, и все они примкнули к Кроносу. Возможно, кто-то из них внял твоему предупреждению и сбежал. Если же нет... они сами избрали свой путь.

– Им промыли мозги! – возразил я. – И теперь они мертвы, а Кронос по-прежнему жив. И это должно поднять мне настроение?

Я свирепо уставился на маленькие мозаичные взрывы, в которых гибли черепичные монстрики. Все это выглядело так просто – на картинке.

Тайсон обхватил меня за плечи одной рукой. Попробуй кто другой так сделать – я бы его оттолкнул, но Тайсон слишком здоровый и упрямый. Бесполезно с ним бороться, если уж он надумал меня обнять.

– Не твоя вина, брат. Кроноса так просто не взорвешь. В следующий раз возьмем большую-пребольшую бомбу.

– Перси, – произнес отец, – жертва Бекендорфа не напрасна, вы рассеяли силы нападающих. На какое-то время Нью-Йорк в безопасности, это даст остальным олимпийцам возможность разобраться с более серьезной угрозой.

– С более серьезной? – я подумал о том, что сказал золотой титан из моего сна: «Боги приняли вызов, скоро им придет конец».

На лицо отца набежала тень.

– Ты сегодня уже достаточно печалился. Спроси об этом у Хирона, когда вернешься обратно в лагерь.

– Вернуться в лагерь? Но ты же в беде, я хочу помочь тебе здесь!

– Ты не можешь, Перси. Ты нужен в другом месте.

Не веря своим ушам, я повернулся к Тайсону.

Брат пожевал губу.

– Папочка... Перси умеет драться мечом. Он хороший.

– Я это знаю, – мягко ответил Посейдон.

– Отец, я могу помочь, – настаивал я. – Ты же знаешь, что могу. Сколько еще ты тут продержишься?

Откуда-то с территории, занятой вражеской армией, взвился, перечеркнув небо, огненный шар. Я думал, Посейдон отразит его или еще что-то сделает, но шар упал во двор и взорвался, так что русалы полетели в разные стороны сквозь толщу воды. Лицо Посейдона исказила гримаса боли, словно его ударили кинжалом.

– Возвращайся в лагерь, – повторил он, – и скажи Хирону, что время пришло.

– Для чего?

– Ты должен услышать пророчество. Все, от начала и до конца.

Не было нужды спрашивать, о каком пророчестве речь, я слышал о великом пророчестве годами, но никто так и не пересказал мне его полный текст. Я знал только, что должен

принять решение, которое изменит судьбу мира, – а дальше выкручивайся, как хочешь.

– Что, если это решение я должен принять сейчас? – предпринял я новую попытку. – Остаться здесь, чтобы сражаться, или уйти? Что, если я уйду, а ты...

Я не смог вымолвить «погибнешь». Богам не положено умирать, но я уже видел, что такое случалось. Даже если они не умирают, их можно превратить почти в ничто, изгнать, заключить в безднах Тартара, как когда-то был заключен Кронос.

– Перси, ты должен идти, – настаивал Посейдон. – Не знаю, каким будет твое последнее решение, но битва, которая тебе предстоит, случится в верхнем мире. По крайней мере ты должен предупредить друзей в лагере о том, что среди них есть шпион и Кроносу известны ваши планы. Мы здесь будем держаться, у нас нет выбора.

Тайсон отчаянно сжал мою руку.

– Я буду скучать, брат!

Глядя на нас, отец словно постарел еще лет на десять.

– Тайсон, сын мой, тебя тоже ждет работа. Ты нужен в оружейной мастерской.

Тайсон снова надул губы.

– Я пойду, – он захлопал носом, потом так крепко обнял меня, что у меня хрустнули ребра.

– Перси, будь осторожен! Смотри, чтобы чудища тебя не убили!

Я ободряюще покивал, но здоровяк слишком перенервничал. Рыдая, он поплыл к оружейной, где его родственники чинили копья и мечи.

– Тебе стоило бы позволить ему сражаться, – сказал я отцу. – Ему страшно надоело сидеть все время в мастерской, разве ты не видишь?

Посейдон покачал головой.

– Хватит и того, что приходится отправлять тебя на встречу опасности. Тайсон еще слишком юн, я должен его защитить.

– Лучше бы ты верил в него, вместо того чтобы защищать, – возразил я.

Глаза Посейдона сверкнули. Пожалуй, я зашел слишком далеко, но в следующий миг бог посмотрел вниз, на мозаичный пол, и его плечи поникли. Маленькая, запряженная раками колесница продвигалась – все ближе и ближе ко дворцу.

– Океан приближается, – произнес мой отец. – Я должен дать ему бой.

Я еще никогда не боялся за какого-то бога, но сейчас просто не представлял, как моему отцу удастся встретиться лицом к лицу с этим титаном и победить.

– Я выдержу, – пообещал Посейдон. – Я не сдам свое государство. Только скажи мне, Перси, у тебя еще остался мой подарок на прошлый день твоего рождения?

Я кивнул и оттянул висевший на шее шнурок с бусинами

на нем, по числу лет, проведенных в Лагере полукровок. С прошлого лета там висел еще и плоский морской еж, которого отец подарил мне на пятнадцатилетие. Он тогда сказал, что я сам пойму, когда придется его «потратить»³, но до сих пор я не понимал, что он имел в виду. Я только знал, что еж не пролез бы в щели для монет на торговых автоматах, которые стояли в моем школьном кафе.

– Это время уже близко, – заверил меня Посейдон. – Если повезет, я приду на твой день рождения на следующей неделе, и мы как следует его отпразднуем.

Он улыбнулся, и на какой-то миг в его глазах зажегся прежний огонь.

Затем все море перед нами потемнело, словно накатывала чернильная буря. Грянул гром, хотя ему вообще-то не положено громыхать под водой. К нам приближалось нечто огромное, некая холодная, равнодушная сила. Я ощутил, как по рядам воинов за нашими спинами пробежала волна ужаса.

– Я должен принять свою истинную божественную форму, – заявил Посейдон. – Иди, и удачи тебе, сын мой.

Я хотел подбодрить его, обнять, сделать хоть что-то, но почел за лучшее просто уйти и не путаться под ногами. Когда бог принимает свою истинную форму, от него исходит такая мощь, что простой смертный может просто рассыпаться.

– Прощай, отец, – только и сказал я.

³ Игра слов. «Плоский морской еж» по-английски – «sand dollar».

Потом повернулся к отцу спиной и пожелал, чтобы океанские течения мне помогли. Вода закрутилась вокруг меня, и я помчался к поверхности со скоростью, от которой любой нормальный человек просто лопнул бы, как воздушный шар.

Когда я обернулся, то увидел только сине-зеленые вспышки – это мой отец сражался с титаном, и само море разрывалось из-за противостояния двух армий.

Глава 3

Я узнаю кое-что о собственной смерти

Если хотите стать популярным в Лагере полукровок, не возвращайтесь с задания с плохими новостями.

Весть о моем прибытии распространилась моментально, стоило мне только выйти из океана. Наш пляж расположен на северном побережье Лонг-Айленда, и он зачарован так, чтобы люди его не видели. Нельзя просто появиться на пляже, если только вы не полубоги, боги или заблудившиеся разносчики пиццы (такое случается, но сейчас речь не об этом).

В общем, тем утром на страже стоял, точнее, сидел Коннор Стоулл из домика Гермеса. Когда он меня заметил, то от переизбытка чувств упал с дерева, а потом затрубил в рог из раковины моллюска, оповещая лагерь, и побежал мне навстречу.

Улыбался Коннор кривой усмешкой, очень подходившей его извращенному чувству юмора. Он довольно приятный парень, просто, когда он поблизости, нужно постоянно держать руку на бумажнике и ни при каких обстоятельствах не подпускать его к крему для бритья, если не хотите, чтобы его весь выдавили вам в спальный мешок. У Коннора вьющиеся каштановые волосы, и он малость пониже своего братца Тр-

эвиса (только поэтому я их и различаю). Они оба совершенно не похожи на моего старого врага Луку, с трудом верится, что все они – сыновья Гермеса.

– Перси! – завопил Коннор. – Что стряслось? Где Бекендорф?

Потом глянул мне в лицо и перестал улыбаться.

– О, нет. Бедняжка Селена. Святой Зевс, когда она узнает...

Вместе мы поднялись по песчаным дюнам. В нескольких сотнях ярдов от берега к нам уже бежали обитатели лагеря, улыбающиеся и веселые. Наверное, они думали: «Перси вернулся, он герой дня! Может, он даже привез сувениры!»

Я остановился у обеденного павильона и стал ждать, пока они приблизятся. Нет смысла вприпрыжку бежать им навстречу, чтобы сообщить, какую я дал промашку.

Я смотрел на долину, пытаюсь вспомнить, как выглядел Лагерь полукровок, когда я впервые сюда попал. Казалось, это было давным-давно.

От обеденного павильона открывался довольно внушительный вид. Долину окружали холмы, на самом высоком из них, холме Полукровок, росла сосна Талии, на ее ветвях висело золотое руно, волшебство которого защищало лагерь от врагов. Сторожевой дракон Пелей, такой крупный, что я видел его даже с такого расстояния, свернулся вокруг ствола дерева, похрапывая и выпуская из ноздрей струйки дыма.

Справа от меня раскинулись леса, слева поблескивало

озеро и высилась стена для лазания, с одной стороны которой стекала раскаленная лава. Двенадцать домиков (по числу богов-олимпийцев) выстроились в форме подковы, внутри которой находилась площадка для собраний. Дальше на юге располагались клубничные поля, арсенал и пятиэтажный Большой дом с выкрашенными в небесно-голубой цвет стенами и бронзовым флюгером в виде орла.

В каком-то смысле лагерь не изменился, но войну не увидишь, рассматривая здания и поля. Она отражалась на лицах полубогов, сатиров и наяд, поднимавшихся на холм.

Четыре года назад народу в лагере было больше: кто-то ушел и не вернулся, кто-то погиб в битве.

Другие – мы старались о них не говорить – перешли на сторону врага.

Оставшиеся закалились в боях, хотя порядком от них устали. В лагере теперь редко раздавался смех, даже обитатели домика Гермеса шалили меньше обычного. Трудно получать удовольствие от розыгрыша, если вся твоя жизнь похожа на одну неудачную шутку.

Хирон первым подскакал к павильону, для него это просто, потому что ниже пояса он белый жеребец. Борода у него отросла за лето. Он носил футболку с надписью: «ВМЕСТО МАШИНЫ У МЕНЯ КЕНТАВР», за плечами у него висел лук.

– Перси! – воскликнул он. – Слава богам. Но где же...

Следом за ним подбежала Аннабет, и, когда я ее увидел,

признаю, мое сердце забилося чаще.

Она не прикладывала никаких усилий, чтобы хорошо выглядеть. В последнее время мы выполнили столько боевых заданий, что Аннабет, похоже, вообще перестала расчесывать свои вьющиеся светлые волосы. Ей было все равно, какую одежду носить, как правило, она надевала одни и те же старые джинсы и оранжевую футболку, какие носили в лагере, да еще время от времени – бронзовые доспехи. Глаза у нее были цвета грозового неба. Обычно мы не могли с ней нормально поговорить, потому что у нас обоих моментально появлялось сильное желание придушить друг друга. И все же, едва увидев ее, я сразу утратил способность нормально соображать. Прошлым летом, до того как Лука превратился в Кроноса и все пошло наперекосяк, я несколько раз думал, что, возможно... мы могли бы перешагнуть уровень отношений «придуши собеседника».

– Что случилось? – она схватила меня за руку. – Лука...

– Корабль взорван, – сказал я. – Но он не уничтожен. Я не знаю, где...

Через толпу протолкалась Селена Боргард, непричесанная и без макияжа – очень нетипично для нее.

– Где Чарли? – требовательно спросила она, оглядываясь по сторонам, как будто ожидая, что Бекендорф где-то спрячется.

Я беспомощно посмотрел на Хирона.

Старый кентавр откашлялся.

– Селена, дорогая, поговорим об этом в Большом доме...

– Нет, – прошептала девушка. – Нет. Нет.

Она заплакала, а мы, ошеломленные, стояли вокруг, не зная, что сказать. Прошлым летом мы уже потеряли слишком многих, но на этот раз дело обстояло еще хуже. Гибель Бекендорфа все восприняли так, словно у лагеря украли стержень, на котором все держалось.

Наконец вперед вышла Кларисса из домика Ареса и обняла Селену. Они дружили – вот уж удивительная парочка: дочь бога войны и дочь богини любви, но с тех пор, как прошлым летом Селена дала Клариссе совет насчет ее первого бойфренда, Кларисса считала себя личным телохранителем дочери Афродиты.

На Клариссе были ее кроваво-красные боевые доспехи, темные волосы забраны под бандану. Сложением и массой она напоминала игрока регби с вечно насупленными бровями, но с Селеной заговорила мягко:

– Идем, девочка, я отведу тебя в Большой дом и сделаю тебе горячего какао.

Все повернулись и по двое, по трое побрели к домикам. Больше никто не выражал восторга по случаю моего возвращения, никто не хотел услышать о взрыве корабля.

Остались только Аннабет и Хирон.

Аннабет стерла со щеки слезу.

– Я рада, что ты не умер, Рыбы Мозги.

– Спасибо, я тоже, – ответил я.

Хирон положил руку мне на плечо.

– Уверен, ты сделал все, что мог, Перси. Расскажешь нам, что произошло?

Мне не хотелось снова беречь эту рану, но я рассказал все, в том числе и свой сон про титанов, опустив часть про Нико. Мальчишка заставил меня пообещать, что я никому не расскажу о его плане до тех пор, пока не приму решение, а от одной мысли об этом плане становилось так жутко, что я совершенно не горел желанием кому-то о таком рассказывать.

Хирон смотрел вниз, на долину.

– Нужно немедленно созвать военный совет, чтобы обсудить информацию о шпионе и другие дела.

– Посейдон упомянул новую угрозу, – вспомнил я. – Что-то похуже «Царевны Андромеды». Думаю, речь о сюрпризах, которые заготовил титан из моего сна.

Хирон с Аннабет переглянулись, как будто знали что-то, чего не знал я. Ненавижу, когда они так делают.

– Это мы тоже обсудим, – пообещал Хирон.

– Еще кое-что, – я глубоко вздохнул. – Когда я беседовал с отцом, он велел вам передать, что время пришло. Я должен узнать все пророчество, целиком.

Плечи Хирона поникли, но он явно не удивился.

– Я страшился этого дня. Хорошо. Аннабет, мы расскажем Перси *всю* правду. Идемте на чердак.

До сего дня я бывал на чердаке Большого дома трижды – на три раза больше, чем мне бы хотелось.

На верхней площадке лестницы стояла стремянка. Интересно, как Хирон собирается подняться по ней, будучи наполовину конем? Однако кентавр и не думал лезть на чердак.

– Ты знаешь, где оно, – сказал он Аннабет. – Принеси его вниз, пожалуйста.

Девушка кивнула.

– Идем, Перси.

Солнце уже садилось за горизонт, но на чердаке было темнее и мрачнее, чем обычно. Повсюду грудями лежали призы героев, живших в лагере до нас: покрытые вмятинами щиты, банки с заспиртованными головами разных чудовищ, пара потертых игральные кости с табличкой: «УКРАДЕНЫ ИЗ ПРИНАДЛЕЖАВШЕЙ ХРИСАОРУ «ХОНДЫ ЦИВИК» ГАСОМ, СЫНОМ ГЕРМЕСА, В ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОМ ГОДУ».

Я поднял кривой бронзовый меч, его так сильно погнули, что он походил на букву «М». На клинке до сих пор остались зеленые пятна от когда-то покрывавшего его волшебного яда. На бирке, датированной прошлым летом, значилось: «КРИВАЯ ТУРЕЦКАЯ САБЛЯ КАМПЫ, УНИЧТОЖЕННОЙ ВО ВРЕМЯ БИТВЫ В ЛАБИРИНТЕ».

– Помнишь, как Бриарей швырял каменные глыбы? – спросил я.

Аннабет нехотя улыбнулась.

– А как Гроувер вызвал панику?

Мы посмотрели друг на друга, и мне на память пришел прошлогодний случай под горой Сент-Хеленс, когда Аннабет, думая, что я умираю, поцеловала меня.

Девушка кашлянула и отвела взгляд.

– Пророчество.

– Точно, – я положил саблю на место. – Пророчество.

Мы подошли к окну, у которого на трехногом стуле сидела Оракул – высушенная старая мумия в окрашенном цветными спиральями платье. К ее черепу липли пучки черных волос, с огрубевшего, морщинистого лица смотрели остекленевшие глаза. От одного взгляда на нее у меня по спине забегали мурашки.

Прежде, если кто-то хотел покинуть лагерь летом, то отправлялся сюда, чтобы получить какое-то задание. Этим летом старым правилом пренебрегли: обитатели лагеря постоянно отправлялись на боевые задания. Поскольку мы хотели остановить Кроноса, другого выбора у нас не осталось.

Впрочем, я прекрасно помнил странную зеленую дымку – дух Оракула, обитавший внутри мумии.

Теперь она выглядела неживой, но в те минуты, когда изрекала пророчество, она двигалась. Иногда туман струйкой вылетал у нее изо рта и принимал необычные формы, а одна-

жды она даже покинула чердак, отправившись на зомби-прогулку по лесу, чтобы доставить послание. Интересно, что она придумает для изречения великого пророчества? Я почти надеялся, что самое меньшее, что она выкинет – станцует чечетку, или что-то в этом духе.

Но мумия сидела неподвижно, как мертвая, каковой она и являлась.

– Никогда этого не понимал, – прошептал я.

– Чего? – спросила Аннабет.

– Почему это мумия.

– Перси, она не всегда была мумией. Дух Оракула тысячи лет обитал в какой-то прекрасной деве, в каждом новом поколении переселяясь из одного тела в другое. Хирон мне говорил, что пятьдесят лет назад и она была такой, – Аннабет указала на мумию. – Но она – последняя.

– И что случилось?

Аннабет хотела было что-то сказать, но потом передумала.

– Давай просто сделаем дело и уйдем отсюда.

Я нервно глянул на сморщенное лицо Оракула.

– И что нам делать?

Аннабет приблизилась к мумии и протянула к ней руки, повернув их ладонями вверх.

– О, Оракул, время на исходе. Прошу тебя, открой нам великое пророчество.

Я обхватил себя за плечи, но мумия не шевельнулась, за-

то Аннабет подошла поближе и расстегнула одно из висевших на шее мумии ожерелий. Я никогда прежде не обращал особого внимания на ее украшения, полагая, что это обыкновенные побрякушки, мечта любого хиппи, только и всего. Но когда Аннабет повернулась ко мне, в руках она держала украшенный перьями кожаный мешочек на шнурке, похожий на те, в которых индейцы прятали амулеты. Девушка открыла сумочку и достала пергаментный свиток, длиной с ее мизинец.

– Не может быть, – поразился я. – То есть все эти годы я допытывался, что это за дурацкое пророчество, а оно висело на виду, у нее на шее?

– Время настало только сейчас, – возразила Аннабет. – Поверь мне, Перси, я его прочитала в десять лет, и мне до сих пор снятся кошмары.

– С ума сойти, – сказал я. – Так могу я наконец его прочитать?

– Прочитаешь внизу, на военном совете, – сказала Аннабет. – Не перед... ну, ты понял.

Я посмотрел в неподвижные глаза Оракула и решил не спорить. Мы пошли вниз, чтобы присоединиться к остальным. Тогда я этого еще не знал, но больше мне не суждено было подняться на этот чердак.

Старосты собрались вокруг стола для пинг-понга. Не спрашивайте почему, но комната отдыха стала негласной штаб-квартирой для военных советов, хотя когда мы с Аннабет и Хироном вошли, собрание скорее напоминало соревнование «кто громче крикнет».

Кларисса так и не сняла боевые доспехи, за плечами у нее висело электрическое копьё. (Вообще-то это ее второе электрическое копьё, потому что первое сломал я. Она назвала копьё «Калечащий», но все втихомолку прозвали его «Калекка».) В руках дочь Ареса держала свой шлем в виде кабаньей головы, за пояс был заткнут нож.

Как раз сейчас она орала на Майкла Ю, нового старосту домика Аполлона, – презабавное зрелище, учитывая, что Кларисса была на целый фут выше. Майкл стал старостой вместо Ли Флетчера, погибшего в бою прошлым летом. Росту в Майкле было четыре фута и шесть дюймов, да еще фута на два чувства собственного достоинства.

Мне он напоминал остроносого хорька со сморщенной мордочкой – то ли из-за того, что он постоянно хмурился, то ли потому, что слишком много времени проводил, стреляя из лука.

– Это наш трофей! – вопил он, привставая на цыпочки, чтобы заглянуть Клариссе в лицо. – А если тебе это не по

праву, поцелуй мой колчан!

Собравшийся вокруг стола народ (братья Стоуллы, Поллукс из домика Диониса, Кати Гарднер, дочь Деметры) старался не смеяться. Даже Джейк Мейсон, спешно назначенный староста домика Гефеста, сдержанно улыбался. Только сидевшая рядом с Клариссой Селена Боргард ни на кого не обращала внимания, безучастно рассматривая натянутую поперек стола сетку. Перед ней стояла нетронутая чашка горячего шоколада. Несправедливо, что девушке пришлось сюда прийти. Как могут Кларисса с Майклом ругаться из-за каких-то дурацких трофеев, когда Селена только что потеряла Бекендорфа?

– ПРЕКРАТИТЕ! – заорал я. – Ребята, вы что это делаете?

Кларисса сердито зыркнула на меня.

– Скажи Майклу, чтобы не вел себя как жадный урод.

– Ой, уж кто бы говорил, – огрызнулся Майкл.

– Я здесь только для того, чтобы поддержать Селену! – закричала Кларисса. – Иначе я бы вернулась в свой домик.

– О чем вы говорите? – требовательно спросил я.

Поллукс кашлянул.

– Кларисса отказалась говорить с нами до тех пор, пока этот вопрос не будет решен. Она молчала три дня.

– Это было чудесно, – тоскливо заметил Трэвис Стоулл.

– Что еще за вопрос? – допытывался я.

Кларисса повернулась к Хирону.

– Вы ведь за все отвечаете, так? Мой домик получит то,

что нам причитается, или нет?

Хирон поскреб копытом пол.

– Моя дорогая, я ведь уже объяснял: Майкл прав, домик Аполлона имеет преимущество. Кроме того, сейчас у нас есть более важные дела...

– Ну конечно, – рявкнула Кларисса. – Вечно находятся дела поважнее нужд детей Ареса. А мы изволь появляться, когда в нас есть потребность, делать все необходимое и не жаловаться!

– Это было бы здорово, – пробормотал Коннор Стоулл.

Кларисса сжала рукоять ножа.

– Может, мне стоит попросить мистера Д.?..

– Ты же знаешь, – перебил Хирон, уже начинавший сердиться, – что наш директор Дионис занят, ведь идет война. Нельзя беспокоить его из-за этого.

– Понятно, – процедила Кларисса. – Что скажут старосты? Хоть кто-нибудь из вас встанет на мою сторону?

Все резко перестали улыбаться, никто не смотрел Клариссе в глаза.

– Прекрасно, – Кларисса повернулась к Селене. – Прости, я не хотела втягивать тебя во все это после того, какую потерю ты только что понесла... В общем, я прошу прощения. У тебя, больше ни у кого.

Селена никак не отреагировала на эти слова.

Кларисса швырнула свой нож на стол для пинг-понга.

– Все вы можете сражаться в этой войне и без Ареса. Пока

я не получу сатисфакцию, ни один полубог из моего домика и пальцем не шевельнет, чтобы вам помочь. Счастливо оставаться, погибайте, как знаете.

Старосты от изумления не произнесли ни слова, и Кларисса выскочила прочь из комнаты.

Наконец Майкл Ю проговорил:

– Ну и скатертью дорожка.

– Ты шутишь? – возразила Кати Гарднер. – Это катастрофа!

– Она блефует, – предположил Трэвис. – Ведь правда?

Хирон вздохнул.

– Задета ее гордость. Рано или поздно она успокоится, – неуверенно сказал он.

Я хотел спросить, какого черта Кларисса так распсиховалась, но глянул на Аннабет, и она одними губами проговорила: «Потом расскажу».

– А теперь, старосты, – продолжал Хирон, – прошу минутку внимания. Перси принес кое-что, полагаю, вам стоит это услышать. Перси, прочти великое пророчество.

Аннабет протянула мне свиток. Он оказался высохшим и древним, я долго не мог развязать нитку. Наконец я развернул листок, стараясь не разорвать, и начал читать:

– Полукровка, отпрыск старейших догов...

– Хм, Перси, – перебила Аннабет. – «Богов», а не «догов».

– А, точно, – кивнул я. Все полубоги страдают дислексией, иногда я просто ненавижу это. Чем больше я нервничал, тем труднее было складывать буквы в слова.

*– Полукровка, отпрыск старейших богов,
Шестнадцатилетие встретит, преодолев все препоны.*

Я помедлил, вглядываясь в следующие строки, мои пальцы похолодели, как будто листок с пророчеством их заморозил.

*– И узрит мир, в вечный сон погруженный,
Душу героя проклятый клинок пожнет.*

Анаклузмос в моем кармане вдруг словно потяжелел. Проклятое лезвие? Хирон как-то сказал мне, что Анаклузмос принес печаль многим людям. Возможно ли, что я погибну от своего собственного меча? Что такое «вечный сон» мира, как не смерть?

– Перси, – поторопил Хирон, – читай остальное.

Язык тяжело ворочался во рту, как будто туда насыпали песка, но я прочитал вслух две последние строки:

*– Единственный выбор дни его пресечет,
Олимп защемиет...*

– Защитив, – мягко поправила Аннабет. – «Защитить» –

значит «спасти».

– Я знаю, что это значит, – проворчал я.

– *Олимп защитив или в прах обратив.*

В комнате повисло молчание. Наконец Коннор Стоулл произнес:

– «Обратить» – это вроде не плохо?

– Не просто обратить, а обратить в прах, – глухо сказала Селена. Я вздрогнул, потому что меньше всего ожидал, что заговорит она. – «Обратить в прах» – значит «разрушить».

– Уничтожить, – поддержала Аннабет. – Истребить, стереть с лица земли.

– Я понял, спасибо, – мое сердце налилось свинцовой тяжестью.

Все смотрели на меня с сочувствием, а может, даже с жалостью и долей страха.

Хирон закрыл глаза, как будто молился про себя. Поскольку он оставался в облике кентавра, его голова почти задевала висевшие под потолком светильники.

– Перси, теперь ты понимаешь, почему не следовало рассказывать тебе все пророчество. Ты и так тащил на себе слишком большой груз...

– Не зная, что в конце концов мне все равно придется умереть? – подхватил я. – Да, кажется, понимаю.

Хирон грустно на меня посмотрел. Он прожил три тыся-

чи лет и видел смерти сотен героев. Возможно, ему это не нравилось, но он привык. Он почел за лучшее не пытаться меня переубедить.

– Перси, – сказала Аннабет, – ты же знаешь, пророчества всегда имеют двойной смысл. Возможно, тебе не придется умереть в буквальном смысле.

– Конечно, – покивал я. – «Единственный выбор дни его пресечет». Толкуй, как хочешь, верно?

– Может, мы сумеем этого не допустить, – с надеждой произнес Джейк Мейсон. – «Душу героя проклятый клинок пожнет». Возможно, мы сможем найти этот проклятый клинок и уничтожить. По-моему, речь идет о косе Кроноса, как думаете?

Об этом я не подумал, но какая разница, какой из клинков проклят: Анаклузмос или коса Кроноса? В любом случае я сомневался, что нам удастся предотвратить исполнение пророчества. Какой-то клинок пожнет мою душу, это предрешено, а я, как правило, старался не допускать, чтобы мою душу пожинали.

– Пожалуй, стоит дать Перси возможность обдумать эти строки, – предложил Хирон. – Ему нужно время...

– Нет, – я свернул листок и запихнул в карман, чувствуя, как во мне нарастает волна протеста и злобы, хотя я не понимал, на кого сержусь. – Мне не нужно время, если я умру – значит, так тому и быть. Что толку зря переживать, верно?

У Аннабет слегка тряслись руки, она не смотрела мне в

глаза.

– Давайте двигаться дальше, – заявил я. – Есть и другие проблемы. Среди нас завелся шпион.

Майкл Ю нахмурился.

– Шпион?

Я рассказал о том, что случилось на борту «Царевны Андромеды», о том, что Кронос заранее знал о нашей вылазке, о брелке в форме косы, с помощью которого он выходит на связь с кем-то, находящимся в лагере.

Селена снова заплакала, и Аннабет обняла ее за плечи.

– Ну, – тревожно заметил Коннор Стоулл, – мы годами подозревали о том, что это возможно, разве нет? Кто-то все время передавал Луке информацию, например пару лет назад о местонахождении золотого руна. Тот, кто это делает, должен был хорошо его знать.

Он глянул на Аннабет, возможно, неосознанно. Разумеется, она знала Луку лучше, чем кто бы то ни было, но Коннор быстро отвел взгляд.

– Э-э-э, я хочу сказать, это может быть кто угодно.

– Да, – парировала Кати Гарднер, бросая хмурый взгляд на братьев Стоуллов. Она недолюбливала их с тех пор, как они украсили травяную крышу домика Деметры шоколадными пасхальными кроликами. – Например, его дети.

Трэвис и Коннор разом принялись возражать, и разгорелся спор.

– Хватит! – Селена так стукнула по столу, что ее остыв-

ший шоколад расплескался. – Чарли мертв, а вы... ругаетесь, как дети! – Она повесила голову и заплакала.

Шоколад тонкой стружкой стекал на пол. Все пристыжено опустили глаза.

– Она права, – наконец заявил Поллукс. – Взаимные обвинения ничем нам не помогут, нужно смотреть в оба глаза, вдруг заметим у кого-то серебряное ожерелье с брелком в форме косы. Если у Кроноса такое есть, вероятно, есть и у шпиона.

Майкл Ю проворчал:

– Надо вычислить этого шпиона до того, как мы начнем планировать следующую операцию. Взрыв «Царевны Андромеды» не задержит Кроноса надолго.

– Верно, – вздохнул Хирон. – Вообще-то его следующая атака не за горами.

Я сдвинул брови.

– Ты имеешь в виду более серьезную угрозу, которую упоминал Посейдон?

Кентавр и Аннабет переглянулись, как бы говоря: «Пора». Я ведь уже упоминал, что терпеть не могу, когда они так делают?

– Перси, – произнес Хирон, – мы не хотели тебе говорить, пока ты не вернешься в лагерь. Тебе нужно было отдохнуть, повидаться с твоими... смертными друзьями.

Аннабет покраснела. До меня дошло, что ей известно о моих встречах с Рейчел, и я почувствовал себя виноватым.

Потом рассердился на себя за это чувство вины. Мне же разрешили заводить друзей вне лагеря, так ведь? Это же не...

– Расскажите мне, что случилось, – попросил я.

Хирон взял со складного столика для закусок бронзовый кубок и плеснул водой на горячую плитку, на которой мы обычно готовили начос. Повалил пар, и в флуоресцентном свете ламп образовалась радуга. Хирон выудил из кошелька-мешочка золотую драхму и бросил в образовавшуюся дымку, пробормотав:

– О, Ирида, богиня радуги, покажи нам эту угрозу.

Пар замерцал, и я увидел знакомую картину: дымящийся вулкан на горе Сент-Хеленс. Вдруг склон горы взорвался, на поверхность полетели огонь, пепел и лава. Одновременно зазвучал голос диктора новостей: «...еще более сильное, чем прошлогоднее извержение. Геологи предупреждают, что могут произойти новые взрывы».

Я знал все о прошлогоднем извержении, потому что сам его вызвал. Но этот взрыв был гораздо сильнее, гору буквально разорвало на части, она вся задрожала, и из клубов пепла и лавы, точно из люка, поднялась огромная, окутанная дымом фигура. Надеюсь, туман помешает простым людям ее разглядеть: случись им увидеть такое, и Соединенные Штаты охватят паника и беспорядки.

Гигант оказался самым огромным существом из всех, кого я когда-либо встречал. Даже мои глаза полубога не могли разобрать, как именно он выглядит, окутанный пеплом и ог-

нем, но он отдаленно напоминал человека, такого огромного, что запросто мог бы играть небоскребом Крайслер-билдинг, как бейсбольной битой. Гору сотряс жуткий грохот, словно монстр смеялся.

– Это он, – сказал я. – Тифон.

Я всерьез надеялся, что Хирон скажет что-то обнадеживающее, вроде: «Нет, это наш огромный друг Лерой! Он нам поможет». Однако кентавр только кивнул.

– Самое ужасное чудовище из всех, величайшая угроза для богов, с таким они еще не сталкивались. Наконец его освободили из-под горы, но это произошло два дня назад, а вот как обстоят дела сейчас.

Хирон взмахнул рукой, и картинка изменилась, показав фронт клубящихся грозовых облаков, наползающих на Средний Запад⁴. Сверкали молнии, целые колонны торнадо уничтожали все на своем пути, разнося на куски дома, как игрушки, поднимая в воздух тяжелые трейлеры и машины.

«Разрушительные наводнения, – говорил диктор. – Пять штатов объявлены зоной бедствия, в то время как ужасный тайфун продолжает свое разрушительное движение по Западному региону». Камера показала крупным планом один из торнадо – огромный столб, движущийся по какому-то городу Среднего Запада, я не смог определить, что это за городок. Внутри воронки я увидел гиганта, точнее, смутные

⁴ Средний Запад – один из четырех географических регионов, на которые подразделяются США.

очертания его истинной формы: будто состоявшая из черного дыма рука, когтистая кисть размером с городской квартал. Его сердитый рев сотряс землю, как ядерный взрыв. Среди облаков, кружась вокруг чудовища, мелькали силуэты поменьше. Я увидел вспышки молний и понял, что гигант пытается от них отмахнуться. Мне показалось, что я заметил летящую во мраке золотую колесницу. В следующий миг на монстра спикировало какое-то чудовищное существо, напоминающее огромную сову.

– Это что... боги? – спросил я.

– Да, Перси, – ответил Хирон. – Они бьются с ним уже много дней, пытаясь замедлить его продвижение. Но Тифон все равно идет вперед – прямо к Нью-Йорку. К Олимпу.

Я постарался осмыслить услышанное.

– И как скоро он придет сюда?

– Если боги его не остановят? Возможно, дней через пять.

Большинство олимпийцев там... кроме твоего отца, но он ведет собственную войну.

– В таком случае кто же защищает Олимп?

Коннор Стоулл покачал головой.

– Если Тифон доберется до Нью-Йорка, уже не будет иметь значения, кто его защищает.

Я вспомнил, как на корабле Кронос сказал: «Я бы с огромным удовольствием полюбовался на ужас в твоих глазах, когда ты поймешь, как именно я разрушу Олимп».

Вот что он имел в виду, нападение Тифона? Зрелище

действительно нагоняло страх, но Кронос всегда обманывал нас, сбивал с толку, отвлекал, так что это было бы слишком очевидно. К тому же золотой титан из моего сна говорил о нескольких «сюрпризах», так, словно Тифон – лишь первый из них.

– Это отвлекающий маневр, – проговорил я. – Нужно предупредить богов, случится что-то еще.

Хирон мрачно на меня посмотрел.

– Нечто, похуже Тифона? Надеюсь, этого не произойдет.

– Нужно защищать Олимп, – настаивал я. – Кронос планирует еще одну атаку.

– Планировал, – напомнил Трэвис Стоулл, – но ты взорвал его корабль.

Все посмотрели на меня. Им отчаянно требовалось услышать добрую весть, хотелось верить, что я дам им хоть грамм надежды.

Я быстро взглянул на Аннабет и понял, что мы думаем об одном и том же: что, если «Царевна Андромеда» послужила подсадной уткой? Что, если Кронос позволил нам ее взорвать, чтобы мы потеряли бдительность?

Конечно, я не собирался озвучивать эти мысли, ведь здесь находилась Селена. Ради успеха этой операции ее бойфренд принес себя в жертву.

– Возможно, вы правы, – произнес я, думая обратное.

Я попытался представить, каким образом наше положение может стать еще хуже. Боги сейчас на Среднем Запа-

де, сражаются с огромным монстром, который однажды почти их победил. Посейдон в осаде, проигрывает войну против титана Океана. Кронос по-прежнему что-то замышляет. Олимп фактически беззащитен. Среди полубогов, живущих в Лагере полукровок, действует предатель.

Ах да, чуть не забыл! Если верить древнему пророчеству, я умру, достигнув шестнадцатилетия, а это уже через пять дней – тогда же, по нашим расчетам, Тифон обрушится на Нью-Йорк.

– Что же, – произнес Хирон, – думаю, на сегодня достаточно.

Он взмахнул рукой, и дымка испарилась, буря, Тифон и сражающиеся боги исчезли.

– Это еще мягко сказано, – пробормотал я.

На этом военный совет завершился.

Глава 4

Мы сжигаем металлический саван

Мне снилось, что Рейчел Элизабет Дэр играет в дартс, используя в качестве мишени мой портрет.

Она стояла в своей комнате... Ну ладно, это я загнул. Надо признать, обычной *комнаты* у Рейчел нет, она живет в Бруклине, на верхнем этаже принадлежащего ее семье большого многоквартирного дома – реконструированного здания из бурого песчаника. Вместо комнаты у нее огромный чердак с промышленными лампами под потолком и окнами во всю стену, он раз в двадцать больше квартиры моей мамы.

Из акустической системы «Босс» грохотал какой-то альтернативный рок. Насколько я знаю, в своих музыкальных предпочтениях Рейчел руководствуется простым правилом: все песни в ее айпode должны звучать по-разному, и они непременно должны быть необычными.

На Рейчел было надето кимоно, волосы взлохмачены, как будто она только что проснулась. Кровать была в беспорядке, несколько мольбертов стояли, закрытые тканью, на полу валялась грязная одежда и обертки от шоколадных батончиков (впрочем, когда комната настолько велика, беспорядок не так бросается в глаза). За окнами раскинулся ночной Манхэттен.

Картина, в которую Рейчел бросала дротики, изображала меня, стоящего над гигантом Антеем. Рейчел ее написала пару месяцев назад. На картине у меня было пугающе зверское выражение лица, поэтому было не понятно, хороший я герой или плохой. Впрочем, Рейчел сказала, что после сражения я именно так и выглядел.

– Полубоги, – бормотала Рейчел, бросая в полотно очередной дротик. – И их глупые задания.

Большинство дротиков отлетали от картины, но некоторые попадали, а один торчал у меня из подбородка, как козлиная борода.

Кто-то постучал в дверь спальни.

– Рейчел! – прокричал мужской голос. – Что, скажи на милость, ты устроила? Выруби эту...

Рейчел подобрала пульт дистанционного управления и выключила музыку.

– Заходи!

Вошел ее отец, хмурясь и моргая от яркого света. У него были рыжеватые волосы, немного светлее, чем у Рейчел, смятые с одной стороны, очевидно, он проиграл сражение с подушкой. Его шелковую синюю пижаму украшала вышитая монограмма «ВД». Нет, вы только подумайте: кто в наше время носит пижамы с монограммами?

– Что происходит? – требовательно спросил он. – Сейчас три часа ночи.

– Не могла уснуть, – ответила Рейчел.

Один из торчащих в моем лице дротиков отвалился от полотна. Рейчел спрятала оставшиеся за спиной, но мистер Дэр их заметил.

– Значит... Я так понимаю, твой приятель не поедет на Сент-Томас?

Мистер Дэр всегда так меня называл. Никогда не говорил «Перси», просто «твой приятель» или «молодой человек», если обращался ко мне – а делал он это не часто.

Рейчел сдвинула брови.

– Не знаю.

– Мы уезжаем утром, – сказал ее отец. – Если он до сих пор не решил...

– Вероятно, он не поедет, – с несчастным видом перебила Рейчел. – Ты доволен?

Мистер Дэр заложил руки за спину и прошелся по комнате, мрачно поглядывая по сторонам. Я представил, как он с таким же лицом расхаживает по залу заседаний совета директоров своей строительной компании, нервируя сотрудников.

– Тебе по-прежнему снятся кошмары? – спросил он. – Мучают головные боли?

Рейчел швырнула дротики на пол.

– Не стоило рассказывать тебе об этом.

– Я твой отец, – возразил мистер Дэр, – и беспокоюсь о тебе.

– Точнее, о репутации семьи, – пробормотала Рейчел.

Отец никак не отреагировал, видимо, уже привык выслушивать подобные обвинения, а может, так оно и было.

– Мы могли бы позвонить доктору Аркрайту, – предложил он. – Он помог бы тебе пережить смерть твоего хомяка.

– Мне тогда было шесть лет, – возразила девушка. – Нет, папа, мне не нужен врач. Мне просто... – она беспомощно покачала головой.

Ее отец остановился у окна, оглядывая Нью-Йорк, как будто это его собственность (на самом деле он владел только частью города).

– Тебе стоит сменить обстановку, – решил он. – Ты подверглась нездоровому влиянию.

– Я не поеду в женскую академию Кларион, – отрезала Рейчел. – А с кем я дружу, тебя не касается.

Мистер Дэр улыбнулся, но его улыбке очень не хватало доброты, она словно говорила: «Однажды ты поймешь, как глупо себя вела».

– Постарайся поспать, – с нажимом сказал он. – Завтра к вечеру мы будем на пляже, будет весело.

– Весело, – повторила Рейчел. – Море веселья.

Отец вышел из комнаты, не закрыв за собой дверь.

Рейчел уставилась на мой портрет, потом подошла к одному из закрытых полотнищем мольбертов.

– Надеюсь, это только сны, – проговорила она, снимая покрывало.

На полотне был сделан простой набросок углем, но Рей-

чел – отличная художница. С холста на меня смотрел Лука, совсем еще маленький мальчик лет девяти, со зловещей усмешкой и без шрама. Не представляю, откуда Рейчел узнала, как Каstellан тогда выглядел, но портрет получился потрясающий, поэтому мне показалось, что рисовали его с натуры. Из того, что я знал о жизни Луки (а знал я очень мало), следовало, что на картине он был изображен незадолго до того, как узнал, что он – полукровка, то есть незадолго до побега из дома.

Рейчел пристально посмотрела на портрет, потом открыла другое полотно, еще более пугающее.

На нем она нарисовала небоскреб Эмпайр-стейт-билдинг, весь освещенный огнями, а на заднем плане бушевал шторм, из облаков тянулась огромная рука. У подножия здания собралась толпа... но не туристов и пешеходов. Я разглядел копья, дротики и знамена – все признаки того, что на улице стояла армия.

– Перси, – прошептала Рейчел, как будто знала, что я слушаю, – что же происходит?

Сон оборвался, последнее, что я запомнил – как собирался ответить на ее вопрос.

На следующее утро я хотел позвонить Рейчел, но в лагере нет телефонов. Дионису с Хироном наземная линия связи ни к чему, если им зачем-то нужно выйти на контакт с Олимпом, они просто отправляют радужные сообщения богини Ириды. Когда полубоги пользуются мобильными теле-

фонами, чудовища улавливают такой сигнал за сотни миль и приходят по нашу душу. С таким же успехом можно вопить: «Вот он я! Пожалуйста, сделайте мне пластику лица!» Конечно, лагерь защищают волшебные границы, но все же не стоит так сильно привлекать к себе внимание.

У большинства полубогов (кроме Аннабет и еще пары человек) вообще нет мобильных, а я никак не мог подойти к дочери Афины и брякнуть: «Эй, одолжи-ка мне телефон, хочу звякнуть Рейчел!» Для того чтобы сделать звонок, мне пришлось бы покинуть лагерь и идти пешком несколько миль до ближайшего круглосуточного магазина. Даже если бы Хирон меня отпустил, к тому времени, как я туда добреду, Рейчел уже будет сидеть в самолете, летящем на Сент-Томас.

В мрачном одиночестве я позавтракал за столом Посейдона, не сводя глаз с трещины в мраморном полу (на этом месте два года назад Нико изгнал в царство мертвых кучку кровожадных скелетов). Не могу сказать, что воспоминание улучшило мой аппетит.

После завтрака мы с Аннабет спустились вниз с холма, провести осмотр домиков. Вообще-то, согласно очередности, дежурить полагалось Аннабет, а мне предстояло разобрать присланные Хирону отчеты, но, поскольку нам обоим ужасно не хотелось заниматься этой рутинной, мы решили разделить наши тяготы, чтобы никому не было обидно.

Мы начали с домика Посейдона, в котором я жил один.

Этим утром я заправил свою кровать (ну, вроде того) и поправил рог Минотавра, чтобы ровно висел на стене, так что, как мне казалось, заслужил «четверку» по пятибалльной системе.

Аннабет состроила гримасу.

– Вещей у тебя много, – она подцепила кончиком карандаша валявшиеся на полу спортивные шорты.

Я рывком вырвал их у нее.

– Эй, не наседай. С прошлого лета прибираться некому, с тех пор как Тайсон уехал.

– Три из пяти, – резюмировала Аннабет. Я почел за благо не спорить, и мы двинулись дальше.

На ходу я бегло просматривал пачку отчетов для Хирона. Тут были письма от полубогов, духов природы и сатиров со всей страны, и все они сообщали, что в последнее время чудовища активизировались. В основном эти послания были выдержаны в удрученном тоне, а мой мозг, отягченный СДВГ⁵, ужасно не любит концентрироваться на всяких мрачных вещах.

Повсюду вспыхивали небольшие сражения. Лагерь практически не пополнялся новыми обитателями, потому что сатиры не могли найти новых полубогов и доставить их на холм Полукровок – мешали наводнившие страну чудовища. От нашей подруги Талии, возглавлявшей охотниц Артемиды, уже несколько месяцев не было ни слуху ни духу. Воз-

⁵ Синдром дефицита внимания и гиперактивности.

можно, Артемида и знала, что с ними случилось, но нам не сообщала.

Мы зашли в домик Афродиты, разумеется, получивший «пятерку». Кровати заправлены идеально, одежда в сундуках разложена по цветам, на подоконниках благоухают свежие цветы. Я хотел снять один балл из-за того, что весь домик провонял дорожными духами, но Аннабет проигнорировала мое замечание.

– На высшем уровне, как и всегда, Селена, – похвалила она.

Селена безжизненно кивнула. На стене над ее кроватью висели фотографии Бекендорфа. Девушка сидела на постели с коробкой шоколадных конфет на коленях, и я вспомнил, что ее отец владеет шоколадной фабрикой в Виллидже, благодаря чему и привлек в свое время внимание Афродиты.

– Хочешь конфету? – спросила Селена. – Отец прислал, он думал... думал, они поднимут мне настроение.

– И как, помогает? – спросил я.

Девушка покачала головой.

– На вкус как картон.

Я ничего не имел против картона, поэтому попробовал одну. Аннабет направилась к выходу. Мы пообещали зайти к Селене позже и двинулись дальше.

Пока мы шли через площадку для собраний, разгорелась потасовка между обитателями домиков Ареса и Аполлона. Какие-то отпрыски Аполлона, вооруженные зажигательны-

ми бомбами, подлетели к домику Ареса на колеснице, запряженной двумя пегасами. Я никогда раньше не видел эту колесницу, выглядела она как легкая прогулочная коляска. Вскоре крыша домика уже полыхала, и наяды с озера помчались заливать ее водой.

Потом обитатели домика Ареса сотворили проклятье, и стрелы нападающих превратились в резину. Это не остановило стрелков, вот только стрелы теперь от детей Ареса отскакивали.

Двое лучников пустились наутек, за ними гнались дети бога войны, выкрикивая стишок: «Будете знать, как нас проклинать! Надоело рифмовать!»

Аннабет вздохнула.

– Неужели опять? В последний раз, когда ребята Аполлона прокляли домик рифмующим проклятьем, оно выветривалось почти неделю.

Я пожал плечами. Аполлон – бог поэзии, покровитель лучников, я лично слышал, как он декламирует стихи. Уж лучше получить стрелу в спину.

– Что они не поделили на этот раз? – спросил я.

Аннабет не ответила, что-то быстро черкая в свитке, в который заносила результаты инспекции, наверное, поставила каждому домику «единицу».

Я вдруг осознал, что пялюсь на нее – довольно глупое поведение, учитывая, что я ее видел изо дня в день уже не первый год. Этим летом мы с ней сравнялись в росте – ка-

кое облегчение! И все же она казалась намного старше, это несколько пугало. То есть, конечно, она всегда была очень симпатичной, но в последнее время вообще превратилась в красавицу.

Наконец она сказала:

– Эту летающую колесницу.

– Что?

– Ты спрашивал, что они не поделили.

– А. Точно.

– Они захватили ее на прошлой неделе во время рейда в Филадельфию. Она принадлежала каким-то полубогам, принявшим сторону Луки. Во время битвы дети Аполлона ее отбили, но операцию возглавляли ребята Ареса, поэтому с тех пор они постоянно сталкиваются лбами: кому ею владеть.

Тут нам пришлось резко пригнуться, потому что колесница спикировала с неба, и Майкл Ю закидал бомбами какого-то обитателя домика Ареса. Тот попытался отбиться холодным оружием, попутно выкрикивая такие витиеватые оскорбления в стихах, что уши в трубочку сворачивались.

– На кону стоят наши жизни, – сказал я, – а они дерутся из-за какой-то глупой колесницы.

– Скоро они об этом забудут, – заверила меня Аннабет. – Кларисса призовет их к порядку.

Мне бы ее уверенность. Я знал Клариссу давно, миротворец из нее никудышный.

Я просматривал отчеты, мы переходили из одного домика

в другой. Дети Деметры получили «четверку», ребята Гефеста – «тройку», а заслуживали, пожалуй, и того меньше, но в связи со смертью Бекендорфа могли рассчитывать на послабление.

Обитателям домика Гермеса пришлось поставить «двойку» – вот уж неудивительно. В домике Гермеса жила куча ребят, божественные родители которых так и не признали своих отпрысков, а поскольку боги вообще довольно забывчивы, домик постоянно был переполнен.

Наконец мы добрались до домика Афины, в котором, как обычно, поддерживались чистота и порядок. Оружие отполировано, по стенам развешаны тактические карты и планы. Только на кровати Аннабет царил беспорядок: на ней лежало множество бумаг, поверх которых стоял включенный серебристый ноутбук Дедала.

– *Vlacas*, – пробормотала Аннабет, очевидно обозвав себя по-гречески идиоткой.

Ее заместитель Малькольм подавил улыбку.

– Ага, м-м-м... все остальное мы убрали. Не знали, безопасно ли трогать твои записи.

Полагаю, это было довольно умно, учитывая, что у Аннабет есть бронзовый нож, который она приберегает исключительно для чудовищ и людей, которые роются в ее вещах.

Малькольм хитро мне улыбнулся.

– Мы подождем снаружи, пока вы заканчиваете проверку. Обитатели домика потянулись к двери, а Аннабет приня-

лась расчищать свою кровать.

Я неловко переминался с ноги на ногу, делая вид, что изучаю отчеты. Формально двум обитателям лагеря нельзя оставаться в домике... *наедине*, даже если они проводят инспекцию.

Об этом правиле постоянно вспоминали, когда Селена и Бекендорф начали встречаться. Знаю, некоторые из вас, наверное, думают: «Разве все полубоги не родственники по «божественной» линии? Ведь тогда они не смогут ходить друг с другом на свидания?» Дело в том, что это не важно, так как у богов нет ДНК. К тому же ни одному полубогу и в голову не придет встречаться с девушкой или парнем, если у них общий божественный родитель.

Например, двое ребят из домика Афины никогда не станут парой, зато дочь Афродиты и сын Гефеста вообще не родственники, так что это не проблема.

В любом случае по какой-то непонятной причине я размышлял об этом, глядя, как Аннабет распрямляет спину, закрывает ноутбук, который ей подарил прошлым летом изобретатель Дедал.

Я кашлянул.

– Итак... нашла что-нибудь интересное в этой штуке?

– Даже слишком многое, – ответила девушка. – Дедал напридумывал кучу всякой всячины. Мне и за пятьдесят лет всего не осмыслить.

– Ага, – промямлил я, – это было бы забавно.

Аннабет отложила стопку бумажных листов (в основном с чертежами зданий и множеством рукописных заметок). Я знал, что она мечтает стать архитектором, и на собственном горьком опыте научился не отвлекать приятельницу вопросами, пока она работает, иначе она начинала толковать об углах и несущих нагрузку сочленениях, пока у меня не стекленели глаза.

– Знаешь... – она заправила волосы за уши – верный признак того, что она нервничает. – Насчет Бекендорфа и Селены. Все это заставляет задуматься о... важных вещах. О потере дорогих тебе людей.

Я кивнул. Мой мозг выхватывал какие-то случайные детали, отметил, что Аннабет по-прежнему носит сережки в виде сов – подарок ее отца, невероятно мозговитого преподавателя военной истории из Сан-Франциско.

– Э-э-э, ага, – проговорил я, запинаясь. – Вроде того... с твоей семьей все в порядке?

Ладно, знаю, вопрос дурацкий, но я нервничал, так что не придирайтесь.

Аннабет озадаченно нахмурилась, потом кивнула и с воодушевлением сказала:

– Этим летом отец хотел свозить меня в Грецию. Всегда хотела увидеть...

– Парфенон, – вспомнил я.

Она смущенно улыбнулась.

– Ага.

– Не переживай, это лето не последнее, верно?

Не успел я договорить, как сообразил, что замечание на редкость тупое.

В самом ближайшем будущем мои дни «пресекутся», меньше чем через неделю Олимп может пасть. Если эре богов придет конец, мир, который мы знали, погрузится в хаос, на полубогов станут охотиться, пока не истребят, и следующее лето просто не наступит.

Аннабет устала на свой листок с отчетностью и проворчала:

– «Тройка» из-за старосты-неряхи. Давай закончим обход и пойдем обратно к Хирону.

По дороге к Большому дому мы дочитали последний отчет, накорябанный от руки на кленовом листе. Эта записка испортила мне настроение еще больше (хотя куда уж больше?).

– «Дорогой Гроувер, – прочитал я вслух. – Леса под Торонто атакованы гигантским злобным барсуком. Попытались последовать твоему совету и призвать силу Пана. Безрезультатно. Многие деревья наяд погибли. Отступаем к Оттаве. Пожалуйста, посоветуй что-нибудь. Где ты?» Подпись: «Глисон Хедж, протектор».

Аннабет поморщилась.

– От него нет совсем никаких вестей? Он даже по вашей мысленной связи ничего не передает?

Я уныло покачал головой.

С прошлого лета, после того как погиб бог Пан, наш друг Гроувер все больше и больше от нас отдалялся. Совет козлоногих старейшин относился к нему как к изгою, но Гроувер все равно путешествовал вдоль всего Восточного побережья, чтобы нести всем слово Пана и убеждать духов природы защищать их собственные маленькие островки дикой чащи. Он возвращался в лагерь всего пару раз, повидать свою подругу Можжевелу.

В последний раз я получил от него известие, когда он в Центральном парке пытался объединить дриад, но вот уже два месяца как от него не было никаких вестей, они не доходили. У нас с Гроувером была мысленная связь, поэтому я надеялся, что узнаю, если с ним что-то случится. Гроувер однажды мне сказал, что, если он умрет, эта мысленная связь может убить и меня тоже, правда, я сомневался в том, что так оно и есть.

Интересно, он по-прежнему в Манхэттене? Потом я вспомнил про свой сон и рисунок Рейчел, на котором над городом собирались темные тучи, а у Эмпайр-стейт-билдинг стояли армии.

– Аннабет, – я остановился у площадки для тетербола⁶. Знаю, я напрашивался на неприятности, но кому еще я мог доверять? К тому же я всегда полагался на советы Аннабет. – Слушай, мне тут приснился сон про, хм, Рейчел...

⁶ Тетербол – игра в мяч, висящий на веревке, конец которой привязан к высокому шесту.

Я пересказал свой сон, упомянул даже о странном детском портрете Луки.

Какое-то время Аннабет молчала, потом так сильно скрутила свой свиток с результатами инспекции, что он порвался.

– Что ты хочешь от меня услышать?

– Не уверен. Ты – лучший стратег из всех, кого я знаю. Если бы ты была на месте Кроноса и планировала свои дальнейшие действия в этой войне, что бы ты стала делать дальше?

– Использовала бы Тифона как отвлекающий маневр, а потом, пока боги на Западе, ударила бы прямо по Олимпу.

– Именно это нарисовано на картине Рейчел.

– Перси, – голос Аннабет напряженно зазвенел, – Рейчел – всего лишь смертная.

– Но что, если ее сон вещий? Те два титана говорили, что разрушение Олимпа – вопрос нескольких дней. Один из них сказал, что у них в запасе еще много сюрпризов. А что касается этой картины, на которой Лука изображен ребенком...

– Нам просто нужно быть наготове.

– Как? – спросил я. – Взгляни на наш лагерь, мы даже между собой не можем договориться. А мою глупую душу вообще скоро «пожнут».

Аннабет швырнула свиток на землю.

– Я знала, что нельзя показывать тебе пророчество, – в ее голосе звучали злость и боль. – Теперь ты просто напуган, а когда ты чего-то боишься, то бежишь от этого.

Я изумленно уставился на нее.

– Я? Бегу?

Девушка шагнула ко мне, так что теперь мы стояли нос к носу.

– Да, ты. Ты трус, Перси Джексон!

У нее покраснели глаза, и я вдруг понял, что, называя меня трусом, она говорила не о пророчестве.

– Если ты считаешь, что у нас нет шансов, может, тебе стоило отправиться в путешествие с Рейчел, – выпалила она.

– Аннабет...

– Раз тебе не нравится наша компания.

– Это несправедливо!

Аннабет оттолкнула меня и помчалась через клубничные поля, походя так наподдав по мячу для тетербола, что он бешено закрутился вокруг столба.

Хотелось бы мне сказать, что на этом мои неприятности закончились, но, разумеется, это не так.

В тот день мы собрались у лагерного костра, чтобы сжечь похоронный саван Бекендорфа и попрощаться с ним. Даже обитатели домиков Ареса и Аполлона заключили ради этого временное перемирие.

Саван для Бекендорфа сделали из металлических звеньев, наподобие кольчуги. Я не понимал, каким образом она загорится, но, очевидно, мойры нас выручили. Металл растаял в огне, превратился в золотистый дым и поднялся в небо. Языки костра всегда отражали настроение обитателей лаге-

ря, сегодня огонь горел черным.

Надеюсь, дух Бекендорфа попадет в Элизиум. Может, он даже решит снова родиться и достигнуть Элизиума спустя три земные жизни, чтобы попасть на Острова Блаженных, самый радостный уголок царства мертвых.

Уж Бекендорф точно это заслуживал.

Аннабет ушла, не сказав мне ни слова. Большинство ребят вернулись к своим обычным занятиям. Я стоял там, глядя на похоронный костер. Рядом, рыдая, сидела Селена, а Кларисса и ее бойфренд, Крис Родригес, пытались ее утешить.

Наконец я собрался с духом и заговорил:

– Слушай, Селена, мне очень жаль.

Девушка хлопнула носом. Кларисса гневно зыркнула на меня, но она вечно на всех зыркала. Крис едва на меня взглянул.

До того как прошлым летом Кларисса спасла его из Лабиринта, он был последователем Луки и, думаю, все еще винил себя за это.

Я откашлялся.

– Селена, знаешь, Бекендорф носил с собой твое фото. Смотрел на него прямо перед всей этой заварухой. Ты очень много для него значила, благодаря тебе прошлый год стал лучшим в его жизни.

Селена зарыдала.

– Ну, молодец, Перси, – проворчала Кларисса.

– Нет, все в порядке, – пробормотала Селена. – Спасибо...

спасибо, Перси. Я лучше пойду.

– Составить тебе компанию? – предложила Кларисса.

Селена покачала головой и убежала.

– Она сильнее, чем кажется, – пробормотала дочь Ареса, обращаясь скорее к самой себе. – Она справится.

– Ты могла бы ей в этом помочь, – заметил я. – Могла бы почтить память Бекендорфа, сражаясь вместе с нами.

Кларисса потянулась за ножом, забыв, что бросила его на стол для пинг-понга в комнате отдыха Большого дома.

– Это не моя проблема, – прорычала она. – Пока моему домику не воздадут должного уважения, сражаться не буду.

Я заметил, что она говорит не в рифму, вероятно, ее не было в домике, когда ее братьев и сестер настигло рифмующее проклятие, а может, она нашла способ разрушить чары. Я с содроганием подумал: а что, если шпион Кроноса – это Кларисса? Может, поэтому ее не было в домике во время драки? Но, при всей моей нелюбви к Клариссе, приходилось признать, что шпионить для Кроноса несколько не в ее стиле.

– Ладно, – сказал я ей. – Не хотел поднимать эту тему, но ты мне должна. Если бы не я, ты бы сейчас гнила в пещере циклопа, на острове в море Чудовищ.

Кларисса стиснула челюсти.

– Проси о любой услуге, Перси, только не об этом. Детей Ареса слишком часто оскорбляли, и не думай, будто я не знаю, что люди болтают у меня за спиной.

Я чуть было не ляпнул: «Ну, так это же правда!», но вовремя прикусил язык.

– Так что, ты просто будешь смотреть, как Кронос нас раздавит? – поинтересовался я.

– Если вам настолько нужна наша помощь, скажите детям Аполлона, пусть вернут нам колесницу.

– Ты ведешь себя, как ребенок.

Дочь Ареса кинулась было на меня, но Крис поспешно встал между нами.

– Тихо-тихо, ребята, – проговорил он. – Кларисса, знаешь, возможно, он в чем-то прав.

Дочь Ареса презрительно улыбнулась.

– И ты туда же.

Она устало пошла прочь, Крис бросился за ней следом, бормоча:

– Эй, подожди! Я только имел в виду... Кларисса, погоди!

Я смотрел, как последние искры над костром Бекендорфа, кружась, улетают в небо, потом направился на арену для фехтования: мне требовался перерыв, и хотелось повидать старого друга.

Глава 5

Я въезжаю в дерево верхом на своей собаке

Миссис О'Лири увидела меня первой, а я ее до последнего не замечал – мало кто умеет так прятаться, учитывая, что она размером с мусоровоз. Я вышел на арену, и тут меня сбила с ног стена темноты.

– ГАВ!

В следующий миг я уже лежал на земле, мою грудь придавила гигантская лапа, а лицо вылизывал огромный, шершавый, как наждачная бумага, язык.

– Ой! – выдохнул я. – Привет, девочка. Я тоже рад тебя видеть. Ой!

Миссис О'Лири понадобилось несколько минут, чтобы успокоиться и слезть с меня, за это время я оказался с ног до головы покрыт собачьей слюной. Адская гончая хотела поиграть в «принеси палку», так что я поднял бронзовый щит и, размахнувшись, швырнул его над ареной.

Кстати, Миссис О'Лири – единственная в мире дружелюбная адская гончая. Она, скажем так, досталась мне по наследству, после того как ее прежний владелец умер. С тех пор она жила в лагере, но Бекендорф... ну, Бекендорф обычно заботился о ней, пока я отсутствовал. Он выплавил для

нее бронзовую кость, которую она обожала грызть, приклепал к ее ошейнику именную бирку с улыбающейся рожицей и перекрещенными костями. Словом, после меня Бекендорф стал для адской гончей вторым лучшим другом.

При мысли об этом мне снова стало грустно, но я еще немного покидал щит, так как Миссис О'Лири настаивала на продолжении игры.

Вскоре она залаяла (звук получился чуть громче, чем канонада тяжелой артиллерии), давая понять, что пора на прогулку.

Другим обитателям лагеря не очень-то нравилось, что адская гончая забегает в уборную при арене, и ее появление там вызвало не одно падение с последующим скоростным скольжением по полу. Поэтому я открыл ворота, и Миссис О'Лири помчалась прямо к лесу.

Я рысью припустил следом, не особо обращая внимание на то, куда адская гончая меня ведет. Что может ей угрожать в лесу? При ее появлении разбегались даже драконы и гигантские скорпионы.

Когда я наконец ее выследил, Миссис О'Лири отнюдь не справляла естественные нужды. Она прибежала на поляну, на которой Совет козлоногих старейшин однажды учинил суд над Гроувером, только теперь это место выглядело не так хорошо, как раньше: трава пожелтела, с трех некогда зеленых тронов облетели все листья. Удивило меня другое: посреди поляны стояла самая странная тройца из всех, что я

когда-либо видел: Можжевела, Нико ди Анджело и очень старый сатир, что называется, поперек себя шире.

Из всех троих только Нико ди Анджело спокойно отреагировал на появление Миссис О'Лири. Выглядел он точь-в-точь, как в моем сне: куртка-пилот, черные джинсы и футболка с изображением танцующих скелетов, как на картинках к празднику Дня мертвых. На поясе у него висел неизменный меч из стигийской стали. Несмотря на свои двенадцать лет, мальчишка казался старше и печальнее.

Увидев меня, он кивнул, потом снова повернулся к Миссис О'Лири, чтобы почесать ее за ушами. Адская гончая обнюхала его ноги, как будто они были не менее привлекательны, чем мясо на ребрышках. Впрочем, сын Аида, вероятно, побывал в местах похуже тех, где водятся дружелюбные адские гончие.

Старый сатир, наоборот, совсем не обрадовался.

– Кто-нибудь... Что эта тварь из царства мертвых делает в моем лесу?! – он замахал руками и затопал копытами, словно земля вдруг раскалилась. – Эй, ты, Перси Джексон! Это твое чудище?

– Простите, Леней, – сказал я. – Вас ведь так зовут, да?

Сатир возвел глаза к небу. Шерсть на его ногах цветом напоминала шкуру поседевшего от старости кролика, между рогов висела паутина, а огромное пузо придавало ему сходство с аттракционным автомобилем.

– Ну, разумеется, я Леней. Только не говори, что так быст-

ро позабыл одного из членов Совета. А теперь отзови это чудище!

– ГАВ! – радостно громыхнула Миссис О’Лири.

Старый сатир сглотнул.

– Вели ей отойти! Можжевела, при таких обстоятельствах я тебе помогать не буду!

Можжевела повернулась ко мне. Она была хорошенькая, как и все дриады, в пурпурном платье-паутинке, с лицом, как у эльфа, но глаза от плача позеленели, как молодая листва.

– Перси, – дриада хлюпнула носом. – Я только что спрашивала о Гроувере, потому что уверена: с ним что-то случилось. Если бы ничего не стряслось, он бы уже вернулся. Я надеялась, что Леней...

– Я тебя предупреждал! – запротестовал сатир. – Лучше не путайся с этим предателем!

Можжевела топнула ногой.

– Он не предатель! Он лучший сатир в мире, и я хочу знать, где он!

– ГАВ!

У Ленея затряслись коленки.

– Я... Я не буду отвечать на вопросы, пока эта адская гончая обнюхивает мой хвост!

Нико ди Анджело выглядел так, словно вот-вот лопнет от сдерживаемого смеха.

– Пойду, погуляю с собачкой, – предложил он и свистнул.

Миссис О’Лири вприпрыжку бросилась за ним к дальнему

краю поляны.

Леней, негодуяюще пыхтя, отряхивал веточки с рубашки.

– Итак, юная леди, я ведь уже тебе объяснял: с тех пор как мы проголосовали за изгнание твоего бойфренда, от него не поступало никаких вестей.

– Вы пытались устроить такое голосование, – уточнил я. – Хирон и Дионис вам помешали.

– Ха! Они почетные члены Совета, так что результаты этого голосования спорны.

– Я передам Дионису ваши слова.

Леней побледнел.

– Я лишь имел в виду... Послушай-ка, Перси Джексон, это не твое дело.

– Гроувер – мой друг, – возразил я. – Он не соврал вам о смерти Пана, я сам при этом присутствовал. Вы просто слишком напуганы, чтобы принять правду.

У Ленея задрожали губы.

– Нет! Гроувер обманщик и получил по заслугам. Без него нам лучше.

Я указал на засохшие троны.

– Если все так прекрасно, где же ваши друзья? Похоже, ваш Совет уже давненько не собирался.

– Марон и Силен... Я... я уверен, они вернуться, – выдавил Леней, но в его голосе явственно проступала паника. – Им просто требуется время, чтобы все обдумать. Год выдался весьма тревожный.

– А станет еще тревожнее, – посулил я. – Лене́й, нам нужен Гроувер. У вас наверняка есть способ найти его с помощью магии.

У старого сатира дернулось веко.

– Говорю тебе, от него ничего не слышно, возможно, он мертв.

Можжевела подавила рыдание.

– Он не умер, – сказал я. – Я чувствую.

– Мысленная связь, – пренебрежительно заявил Лене́й, – очень ненадежна.

– И все же спрашивайте кого-нибудь, – настаивал я. – Найдите его. Начинается война, а Гроувер готовил духов природы.

– Без моего разрешения! К тому же это не наша война.

Я сгреб сатира за ворот рубашки (очень на меня не похоже, но этот старый козел меня довел).

– Слушайте, Лене́й, когда Кронос нападет, то приведет с собой кучу адских гончих. Он уничтожит все на своем пути: смертных, богов, полубогов. Думаете, сатиров он отпустит? Вы же вождь, так БУДЬТЕ ИМ! Пойдите, гляньте, что происходит, найдите Гроувера и сообщите Можжевеле хоть какие-то новости. ВПЕРЕД!

Я толкнул сатира не очень сильно, но из-за своего веса тот не удержался на копытах. Он приземлился прямо на свою меховую пятую точку, потом с трудом поднялся и побежал прочь, так что живот подпрыгивал вверх-вниз.

– Мы никогда не признаем Гроувера, он умрет изгоем!
Когда сатир исчез в кустах, Можжевела вытерла глаза.

– Прости, Перси, я не хотела втягивать тебя во все это. Лейней все-таки владыка Чащи, лучше не становиться его врагом.

– Ничего страшного, – успокоил я дриаду. – У меня есть враги и похуже, чем страдающие лишним весом сатиры.

Вернулся Нико.

– Молодчина, Перси. Судя по следу из козых шариков, я бы сказал, ты его не слабо напугал.

Я боялся, что знаю причину, по которой Нико пожаловал в лагерь, но заставил себя улыбнуться.

– С возвращением. Ты зашел просто повидаться с Можжевелой?

Мальчик покраснел.

– Хм, нет. Мы случайно встретились. Я вроде как... пришел, когда они уже разговаривали.

– Он нас до смерти напугал, – заметила Можжевела. – Выскочил прямо из тени. Но, Нико, ты же сын Аида и все такое. Ты точно ничего не знаешь о Гроувере?

Нико помялся.

– Можжевела, я уже пытался тебе объяснить... Даже если Гроувер мертв, он бы переродился во что-то другое, стал бы частью природы. Я чувствую только души мертвых, но не такое.

– Но что-то ты все-таки слышал? – умоляла дриада, кладя

руку ему на плечо. – Хотя что-то?

Щеки Нико заалели еще сильнее.

– Не сомневайся, я держу ушки на макушке.

– Мы его найдем, Можжевела, – пообещал я. – Уверен, Гроувер жив. Наверняка есть какое-то простое объяснение тому, что он до сих пор не вышел с нами на связь.

Она мрачно кивнула.

– Я просто с ума схожу из-за того, что не могу покинуть лес. Он может отправиться куда угодно, а я привязана к этому месту. Ну, если с этим глупым козлом хоть что-то случится...

К нам вприпрыжку подбежала Миссис О’Лири и заинтересовалась платьем Можжевелы.

Дриада взвизгнула.

– Ай, даже думать не смей! Я знаю про собак и деревья. Все, я ушла!

С легким «пуф!» она превратилась в облачко зеленого тумана. Миссис О’Лири с разочарованным видом отправилась искать другую цель, и мы с Нико остались одни.

Нико стукнул мечом по земле, и из почвы появилась кучка костей какого-то мелкого животного. Косточки соединились друг с другом, и образовавшийся скелет полевой мыши убежал прочь.

– Мне жаль, что так вышло с Бекендорфом.

У меня в горле встал ком.

– Как ты...

– Поговорил с его призраком.

– А... точно, – никогда не привыкну к тому, что этот двенадцатилетний мальчик больше разговаривает с мертвыми, чем с живыми. – Он что-нибудь сказал?

– Он тебя не винит. Думает, что тебя будет мучить совесть, говорит, что напрасно.

– Он попробует переродиться снова?

Нико покачал головой.

– Он останется в Элизиуме, сказал, что кого-то ждет. Не уверен, что он имел в виду, но, похоже, в смерти он чувствует себя нормально.

Не слишком утешительно, но лучше, чем ничего.

– В моем видении я встретил тебя на Орфийской горе, – сообщил я Нико. – Это было...

– По-настоящему, – кивнул мальчик. – Я не собирался шпионить за титанами, просто оказался поблизости.

– Чем же ты там занимался?

Нико подергал портупею.

– Собирал информацию, которая помогла бы мне узнать о... ну, знаешь, о моей семье.

Я кивнул. Прошлое Нико – болезненная тема. Еще два года назад он и его сестра Бьянка находились в месте, которое называется казино и гостиница «Лотос». Они провели там, не старея, примерно семьдесят лет.

В итоге какой-то таинственный адвокат вытащил их оттуда и поместил в школу-пансион, но Нико ничего не помнил

о своей жизни до казино. Он ничего не знал о своей матери, не знал, что это за адвокат, почему их с сестрой «заморозили» во времени и почему освободили. После смерти Бьянки Нико остался один, одержимый желанием найти ответы на эти вопросы.

– И как? – спросил я. – Есть успехи?

– Нет, – пробормотал мальчик. – Но скоро у меня, возможно, появится новая зацепка.

– Какая зацепка?

Нико пожевал губу.

– Сейчас это не важно. Ты знаешь, зачем я здесь.

В груди у меня начал расти холодный ужас. С тех пор как прошлым летом Нико предложил мне осуществить придуманный им план, чтобы победить Кроноса, мне снились кошмары. Время от времени сын Аида появлялся и побуждал меня принять решение, но я все откладывал.

– Нико, я не знаю, – я покачал головой. – Сдается мне, как-то оно уж очень чересчур.

– Тифон придет сюда через сколько там?.. Неделю? Теперь большая часть остальных титанов на воле, на стороне Кроноса. Может, пришло время крайних мер.

Я оглянулся и посмотрел на лагерь. Даже с такого расстояния было слышно, что обитатели домиков Ареса и Аполлона снова дерутся, обмениваясь проклятиями и скверными стихами.

– Они не ровня армии титанов, – заявил Нико. – Ты это

знаешь. Придется тебе самому разбираться с Лукой, и есть только один способ его победить.

Я вспомнил бой на «Царевне Андромеде», который показал, что наши силы катастрофически неравны. Кронос едва не убил меня, просто порезав мне руку, а я даже не сумел его ранить. Анаклузмос отскакивал от его кожи.

– Мы можем наделить тебя такой же силой, – убеждал Нико. – Ты слышал великое пророчество. Если не хочешь, чтобы проклятый меч скосил твою душу...

Интересно, как Нико удалось услышать текст пророчества? Вероятно, призраки нашептали.

– Нельзя помешать исполнению пророчества, – сказал я.

– Но можно побороться, – в глазах Нико сверкнул какой-то странный, голодный огонек. – Ты можешь стать неуязвимым.

– Может, стоит подождать, попробовать сражаться без...

– Нет! – рявкнул Нико. – Надо действовать сейчас!

Я изумленно уставился на него, потому что уже давно не видел, чтобы мальчишка настолько терял над собой контроль.

– С тобой точно все в порядке?

Нико глубоко вздохнул.

– Перси, я всего лишь хочу сказать... когда начнется битва, мы уже не сможем отправиться в путешествие. Это наш последний шанс. Извини, если я слишком на тебя давлу, но два года назад моя сестра отдала свою жизнь, чтобы тебя за-

щитить. Я хочу, чтобы ты уважал ее желание. Сделай все, что сможешь, чтобы выжить и победить Кроноса.

Мне не нравилась эта затея. Потом я вспомнил, как Аннабет назвала меня трусом, и разозлился.

Нико прав: если Кронос атакует Нью-Йорк, полубоги не справятся с его полчищами. Я должен что-то предпринять. То, что предлагает Нико, опасно, возможно, даже смертельно опасно, но, если все получится, я, вероятно, получу необходимое в бою преимущество.

– Ладно, – решил я. – С чего начнем?

Нико улыбнулся холодной зловещей улыбкой, и я пожалел, что согласился.

– Сначала нужно понять, как Лука дошел до жизни такой. Узнать побольше о его прошлом, о детстве.

Я вздрогнул, вспомнив о рисунке Рейчел из моего сна, с которого смотрел улыбающийся девятилетний Лука.

– Зачем нам это знать?

– Объясню, когда доберемся туда, – ответил Нико. – Я уже выяснил, кто его мать. Она живет в Коннектикуте.

Я смотрел на него во все глаза. Никогда не задумывался о том, что у Луки есть смертные родственники. С его отцом мы встречались, но мать...

– Лука убежал из дома совсем малышом, – сказал я. – Не думал, что его мать еще жива.

– О, она жива, – тон, которым сын Аида это произнес, заставил меня призадуматься: что же она за человек? Что за

чудовище?

– Хорошо... – вздохнул я. – И как мы попадем в Коннектикут? Я могу вызвать Пирата...

– Нет, – нахмурился Нико. – Пегасы меня не любят, и это чувство взаимно. Нам не придется лететь, – он свистнул, и из леса вприпрыжку выскочила Миссис О’Лири.

– Твоя подруга нам поможет, – Нико похлопал адскую гончую по голове. – Тебе случалось путешествовать через тень?

– Путешествовать через тень?

Нико что-то зашептал на ухо Миссис О’Лири, та склонила голову, на удивление внимательно слушая.

– Прошу на борт, – объявил Нико.

Мне никогда прежде и в голову не приходило ездить верхом на собаке, впрочем, Миссис О’Лири для этого достаточно огромна. Я забрался ей на спину и ухватился за ошейник.

– Если будешь так тянуть, ей будет очень неудобно, так что не делай так слишком часто, – предупредил Нико. – Лучше всего путешествовать ночью, но все тени по сути едины. Есть лишь одна тьма, и существа из царства мертвых могут использовать ее, как дорогу или дверь.

– Не понял, – признался я.

– Ладно, – хмыкнул Нико, – долго объяснять, Миссис О’Лири и так прекрасно знает, что делать. Скажи ей, куда ты хочешь попасть – Уэстпорт, дом Мей Кастеллан.

– А ты не едешь?

– Не волнуйся, – успокоил меня Нико, – там и встретимся.

Я немного нервничал, но наклонился к уху Миссис О'Лири.

– Так, девочка. Э-э-э, ты можешь отвезти меня в Коннектикут? В Уэстпорт, к дому Мей Кастеллан?

Миссис О'Лири потянула носом воздух, посмотрела на темный лес и вдруг рванула с места, прямо к растущему на краю поляны дубу.

За секунду до столкновения с деревом мы вошли в тень, холодную, как темная сторона луны.

Глава 6

Мои печенья подгорают

Не рекомендую путешествовать через тень, если вы боитесь:

- а) темноты;
- б) бегающих по спине холодных мурашек;
- в) странных голосов;
- г) быстрых скоростей, когда кажется, будто с вас сдирают лицо.

Другими словами, это просто потрясающе. С минуту я ничего не видел и чувствовал только шерсть Миссис О'Лири и свои пальцы, сжимающие бронзовые звенья ее ошейника.

В следующую минуту тени исчезли, и мы оказались на холме, среди лесов Коннектикута.

По крайней мере, место походило на Коннектикут, насколько можно судить, побывав там всего несколько раз: множество деревьев, низкие каменные стены, большие дома. Внизу, через лощину, с одной стороны холма пробиралось шоссе, с другой стороны расположился задний двор какого-то дома. Довольно запущенный участок, никаких тебе зеленых газонов. Дом, двухэтажная постройка с белыми стенами, был построен в колониальном стиле. Хотя он стоял напротив шоссе, складывалось впечатление, что он завис в пу-

стоте. В окне кухни горел свет.

Под яблоней стояли старые ржавые качели.

Наверное, я бы не смог жить в таком доме, с настоящим двором и прочими радостями. Сам я всегда жил то в тесной квартирке, то в школьном общежитии. Почему Лука сбежал из такого огромного дома?

Миссис О'Лири пошатнулась. Я вспомнил слова Нико про то, что путешествия сквозь тень высасывают из нее силы, и поскорее слез с ее спины. Адская гончая зевнула, широко распахнув зубастую пасть, способную перепугать даже персонажей мультфильма «Ти Рекс»⁷, повернулась кругом и тяжело плюхнулась на траву, так что земля содрогнулась. Прямо рядом со мной сгустилась тень, приняв очертания человеческой фигуры, и появился Нико. Он чуть не упал, и я подхватил его под руку.

– Я в порядке, – запинаясь, пробормотал мальчик.

– Как ты это сделал?

– Дело практики. Несколько раз врезался в стены, пару раз нечаянно прогулялся до Китая.

Миссис О'Лири захрапела. Если бы на шоссе не шумели машины, она запросто перебудила бы всю округу.

– Ты тоже вздремнешь? – поинтересовался я.

Мальчик покачал головой.

– После своего первого путешествия через тень я вырубился на неделю. Теперь привык, только немного в сон кло-

⁷ Главные герои этого мультсериала – динозавры.

нит, но я не могу повторять этот фокус чаще раза-двух за ночь. Миссис О'Лири какое-то время не сможет никуда двинуться.

– Значит, у нас есть свободное время для прогулки по Коннектикуту, – я пристально посмотрел на дом в колониальном стиле с белыми стенами. – Что дальше?

– Позвоним в дверной звонок, – сказал Нико.

На месте матери Луки я бы не открыл дверь двум странным ребятам посреди ночи. Но я даже отдаленно не походил на мать Луки.

Я это понял еще до того, как мы подошли к входной двери. Вдоль дорожки к дому были расставлены мягкие игрушки, какие продают в магазинах подарков: маленькие львы, поросята, драконы, гидры, даже крошечный Минотавр в малюсеньком подгузнике. Судя по их жалкому виду, игрушки сидели здесь уже очень давно, как минимум с прошлой весны, и с тех пор успел растаять снег. У одной гидры между шеями пробивался росток дерева.

Все крыльцо перед дверью было увешано музыкальными подвесками, их блестящие стеклянные и металлические детали звенели, когда дул легкий ветерок. Куски латуни позвякивали, напоминая журчание воды, и я понял, что мне нужно в уборную. Не представляю, как миссис Каstellан выносила весь этот шум.

На окрашенной в бирюзовый цвет входной двери висела табличка, на ней было написано по-английски «КАСТЕЛ-

ЛАН», а ниже – по-гречески «Διοκητής Φρουρίου».

Нико глянул на меня.

– Готов?

Едва он постучал, как дверь распахнулась.

– Лука! – радостно воскликнула старая дама.

У нее был вид человека, которому нравится на досуге совать пальцы в розетку. Серые волосы торчали во все стороны, розовое платье-халат все в следах ожогов и перепачкано золой. Когда женщина улыбалась, ее лицо неестественно вытягивалось, а голубоватый свет в глазах навел меня на мысль, что она слепа.

– О, мой дорогой мальчик! – она обняла Нико. Я пытался сообразить, как можно принять Нико за Луку (они совершенно не похожи), потом женщина улыбнулась мне и сказала:

– Лука!

Забыв про Нико, она обняла меня. От нее пахло подгоревшим печеньем. Она была тощая, как огородное пугало, однако ей вполне хватило бы сил сломать мне ребра.

– Заходи! – настойчиво проговорила она. – Твой обед готов!

Она провела нас внутрь. Гостиная выглядела еще чуднее, чем лужайка перед домом. Все горизонтальные и вертикальные поверхности заполняли зеркала и свечи. Куда бы я ни посмотрел, отовсюду на меня глядело мое отражение. Над камином висели часы, секундная стрелка была украшена ма-

ленькой бронзовой фигуркой Гермеса, и фигурка бога «порхала» вокруг циферблата. Я попытался вообразить, как бог посланников мог влюбиться в эту старушку, но не смог – это казалось слишком невероятным.

Потом я заметил на каминной полке фото в рамке и замер. Точно такой портрет нарисовала Рейчел: девятилетний Лука со светлыми волосами и широкой улыбкой, в которой не хватало двух зубов. Без шрама на лице он выглядел совсем другим человеком: беззаботным и счастливым. Откуда Рейчел узнала об этом снимке?

– Сюда, мой дорогой! – миссис Кастеллан провела нас в глубь дома. – О, я говорила им, что ты вернешься. Я это знала!

Женщина усадила нас за кухонный стол. На стоявшем вдоль стены длинном столе громоздились сотни (я не преувеличиваю), прозрачных пластиковых контейнеров, заполненных бутербродами с арахисовым маслом и джемом. Те, что внизу, позеленели и покрылись плесенью, видимо, их приготовили уже очень давно. Запах напомнил мне о школьной раздевалке шестого класса – а это о многом говорит.

На плите стояли противни для выпечки, на каждом лежало с десятков подгоревших печений. В раковине возвышалась гора пустых пластиковых кувшинов из-под «Кул-эйда»⁸. У водопроводного крана сидела плюшевая Медуза горгона, словно охраняя царивший здесь беспорядок.

⁸ Быстрорастворимый напиток.

Миссис Кастеллан, напевая себе под нос, достала арахисовое масло, джем и начала делать новый бутерброд.

В духовке что-то подгорало, вероятно, очередная порция печенья.

Все окно над раковиной было облеплено десятками вырезанных из газет и журналов картинок с изображением Гермеса с логотипов фирм «Эф Ти Ди Флауэрс» и «Квики Клинерс»⁹

⁹ «FTD Flowers»; «Quickie Cleaners».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.